

Design: Studio Užnek d.o.o.

MIROSLAV KOŠUTA

KRIŠKO KRAŠKE

Sample translation

MIROSLAV KOŠUTA - KRIŠKO KRAŠKE

Sample translation

Uredila / Edited by

Tanja Petrič, Katja Stergar

Založila in izdala Javna agencija za knjigo Republike Slovenije, Tržaška 2, 1000 Ljubljana

Zanjo Slavko Pregl, direktor

Issued and published by Slovenian Book Agency, Tržaška 2, 1000 Ljubljana

Slavko Pregl, Director

Grafično oblikovanje in prelom / Technical editing and layout

Studio U3nek d.o.o.

Tisk / Print

Tiskarna Medium d.o.o.

Naklada / Print run

300 izvodov / 300 copies

Darilna publikacija / Gift edition

© Nosiči avtorskih pravic so avtorji/prevajalci sami, če ni navedeno drugače.

© The authors/translators are the copyright holders of the text unless stated otherwise.

Ljubljana, 2012

CIP - Kataložni zapis o publikaciji

Narodna in univerzitetna knjižnica, Ljubljana

821.163.6-1

KOŠUTA, Miroslav

Kriško kraške : sample translation / Miroslav Košuta. -

Ljubljana : Javna agencija za knjigo Republike Slovenije =

Slovenian Book Agency, 2012

ISBN 978-961-92821-9-9

260605952

TABLE OF CONTENTS

<i>Miroslav Košuta: About the author and his work</i>	1
<i>Kriško kraške (excerpt in Slovenian)</i>	2
Translations	
Bulgarian (Translated by Ljudmil Dimitrov).....	5
English (Translated by Timothy Pogačar).....	8
French (Translated by Grégoire Labbé)	11
German (Translated by Karin Almasy and Ann Catrin Apstein-Müller).....	14
Lithuanian (Translated by Kristina Tamulevičiūtė)	20
Macedonian (Translated by Darko Spasov).....	23
Polish (Translated by Regina Wojton).....	26
Russian (Translated by Marianna Beršadskaja, Aleksandra Krasovec, Nadežda Starikova and Tatiana Zharova)	29
Serbian (Translated by Nemanja Sićević)	41
Slovak (Translated by Kristína Potočňáková).....	44
Spanish (Trasnlated by María Estefanía Quiroga).....	47
<i>List of translators</i>	50
<i>Co-financing publications of Slovenian authors in foreign languages</i>	54

MIROSLAV KOŠUTA

Miroslav Košuta was born in 1936 in Križ near Trieste. He attended the Slovene gymnasium in Trieste and continued his studies at the Faculty of Arts in Ljubljana. He graduated in comparative literature and literary theory in 1962. He was employed as a journalist and editor at Radio Slovenia, but in 1969 he returned to Trieste as a stage director of the Slovenian Repertory Theatre for three seasons and as an editor of the monthly magazine *Dan* at Založništvo tržaškega tiska publishing house until 1987. He was the theatre manager and artistic leader of the Slovenian Repertory Theatre in Trieste until his retirement. Considered the most important contemporary Slovene minority poet in Italy, he first wrote poems for the Trieste secondary school textbook *Literarne vaje* and later, as a student, published his work in a number of literary magazines and journals. At the same time he also translated Spanish and Italian poetry. Miroslav Košuta writes poetry for adults, cultural and political articles and essays, poems for children and young people, theatre and radio plays.

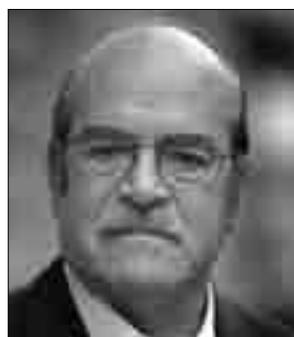
Some of his most important works: *Morje brez obale* (Sea without a Coast, 1963), *Tržaške pesmi* (Trieste Poems, 1974), *Abecerime* (Abc Rhymes, 1979), *Kriško kraške* (Of Križ and Karst, 2005), *Križada* (Crossroads, 2006), *Mavrična školjka* (The Rainbow Shell, 2011) and *Drevo življenja* (The Tree of Life, 2011).

He has received numerous awards: the Prešeren Fund Award (1978), Kajuh Award (1988), Levstik Award (1989), Vstajenje Award (2002), Golden Coin for Poetry (2008) and IBBY Honour List (2008). In 2011 he received the Prešeren Award for lifetime achievement.

Miroslav Košuta: miroslav.kosuta@gmail.com

KRIŠKO KRAŠKE (OF KRIŽ AND KARST)

In the present volume, poet Miroslav Košuta travels through his life with an anthological collection of children's poems about his native Križ near Trieste; *of Križ*; and about his immediate home; *the Karst*. This is how he came up with the title, which meticulously conveys the content of the book and introduces the poet's significant poetry at the same time. Prose sections bind and unify the collected poems, recounting the author's key experiences from birth to the present. The book is adorned with illustrations by Klavdij Palčič.

Kriško kraške

Avtobiografija z izborom otroških pesmi o rodnem Križu, morju in Krasu

Revija Galeb, Zadruga Novi Matajur, Čedad 2005

Nič se ne spominjam, da bi izbral planet, na katerem naj se rodim. Tudi nimam zavesti, da bi se odločal za kraj, kjer naj se to zgodi. Ali sem to opravil površno, brez globljega razmisleka, ali je zame to storil kdo drug. Zgodilo pa se je, da sem se komaj rojen znašel prav sredi sveta, kaj sveta, natanko v popku vesolja. In še zdaj, ko z leti obremenjen gledam svojo pot, vidim, da me otroške oči niso varale.

Izbrani ali slučajno namenjeni kraj je bil čudovit: ravno pravšnje razpotegnjen, da se mi je zdel neizmerno velik, saj ga kot otrok nisem mogel obhoditi, obenem tako zelo majhen, da je stal ves v mojem srcu.

Mimo tega pa mu je bilo dano nekaj redkega in neprecenljivega: imel je dva obraza. Bil je kakor nebo z luno in soncem. Z enim obrazom je gledal proti gmajnam, dolinam, planotam, za katero so se bleščale ostre gore, z drugim, svetlejšim, pa je bil zazrt v morje in čez njegovo sinjino v svet, v skrivnost,

Kajti Križ pri Trstu, o njem je govor, je gnezdu podobna vas, zgrbljena nad morjem in zraščena s Krasom. V njej sem se znašel med imenitnimi ljudmi, hrupnimi veseljaki in pivci in pevci. Ko sem jo dodobra spoznal in ko so mi oči začele uhajati za pisanimi pentljami in krilci, sem ugotovil, da sem deček, da torej bom fant in nazadnje mož - to pa je bilo v Križu še kako pomembno, kot si lahko ugotovil na vaškem trgu, križišču vseh poti.

V Križu je križišče na Križadi.

Po njej križarijo Križani, ponavadi

križem kražem sitni in jezni, če so trezni.

Ali sanjarijo križem rok, namesto kriških otrok

križanke rešujejo vinoravno in navzkriž - ravno o vinu

se pomenkujejo in pred vodo

križajo, za Križankami gledajo in se hudejo,

da jim presedajo, saj z njimi dobiš največji križ.

Razumljivo, da sem se rodil natanko na sredi tega središča stvarstva, tik ob Križadi. Ko sem zanesljivo shodil, da sem lahko stopal za tatom in mamo, pa smo svojo revščino prenesli na rob vasi: naselili smo se na Klancu, kar je za pisatelja očitno edino primerno. Od tam sem se podajal na plaha raziskovanja bližnje in s časom vse manj bližnje okolice, zdaj na eno stran vasi, zdaj na drugo, in se hitro vračal domov, da se ne bi zgubil. Dolgo me je zadržalo samo nad morjem. Kadarken sem prišel na mesto, od koder sem se lahko razgledal po širjavi sinjega med Istro in furlansko ravnino, ki se je naravnost pred mano stikala z nebom, včasih v prelivu iste modrine, včasih z ostro zarezano črto obzorja, sem strmel odprtih ust. Bilo je neverjetno mogočno, bilo je neverjetno preprosto.

Težko je govoriti o morju nekomu, ki ga ne pozna, za tiste, ki so ga doživeli in ga doživljajo, pa je prav tako težko najti prave besede. Morje je pač morje. Morje je to vodno prostranstvo, razgrnjeno pred tabo v ravnini, skrivnostno in neulovljivo. Zajameš ga in ga ne moreš zajeti: v rokah ti ostane samo nekaj požirkov slane vode. Običajno je domače, krotko in nežno, ljubkujoče, vabi te k razposajenosti, a naenkrat lahko potemni, postane renčavo in popadljivo, pobesni s penastimi valovi, ki grozijo s smrtno, zato je zmeraj vredno globokega spoštovanja. Obenem pa je morje tudi to, kar je tam čez, tam na dnu onstran obzorja, to, kar te vabi z milim glasom siren. Tja daleč v zamorje je hrepenel tudi deček na obali, ki se je spraševal:

*Videl sem, videl,
jadro na morju,
ko je tonilo
v obzorju.*

*Videl sem, videl
oblaček na nebu:
bil je podoben
galebu.*

Koliko mladih src je tako hrepenelo po neznanem, po viharnih plovbah, po pustolovščinah, po pravljičnih zamorskih krajih, o katerih smo slišali ob mrzlih zimskih večerih. Otroci smo napeto poslušali in se ponoči premetavali v snu, ko smo v sanjah jadrali za svojimi željami.

Tako je bilo z vsemi, ki smo rasli v vaseh nad morjem. Ti naši kraji so razpotegnjeni ob zalivu kot dragulji na ogrlici. Očesu tujega mornarja bi se lahko zdeli vsi enaki, pa nikakor niso. Vsak od njih je drugačen od vseh drugih, tako po svoji podobi kot po značaju in duši. Vsak je dragocenost zase.

*Če boš priden
in previden,
dam ti v dar
Miramar.*

*Če bi bil rad
vesel,
ti poklonim
Kontovel.*

*Če si ti, ki tuli
in teka,
boš dobil le pol
Proseka.*

*Če kdaj moraš
s teh brezin,
vzemi za spomin
Devin.*

*Če boš zmeraj
razigran,
potlej zate je
Seslian,*

*če poreden,
pa si vreden,
da dobiš
moj rodni Križ.*

*Jadra
v daljave hité –
kdo ve,
zakaj?*

*Ptice
za njimi leté –
kdo ve,
zakaj?*

*Z njimi
je moje srce –
zakaj?
Kdo ve!*

Момчето от Морето

Автобиография с избрани детски стихотворения за родния Криж, морето и Крас

Translated by Ljudmil Dimitrov

Contact of the translator: ljudiv@abv.bg

Изобщо не си спомням избирал ли съм си планетата, на която да се родя. Нямам и съзнанието сам да съм решавал в кой край да се случи това. Повърхностно ли съм го направил, без да размишлявам дълбоко или някой друг го е сторил вместо мен. Но се случи така, че едва роден, се озовах точно на сърдцето на света, в самия му център, иначе казано, на пъпа на географията. И когато, понатежал от години, все още гледам своя път, разбирам, че детските ми очи не са ме изтъгали.

Избраният или пък случайно предназначеният за мен край беше прекрасен: така пределно разстегнат, че ми се струваше неизмеримо голям, та като дете не успях да го обходя и същевременно толкова мъничък, че целият се побираше в сърдцето ми. Освен това ми бе дадено нещо рядко и неоценимо: имаше две лица. Беше като небе с луна и слънце. С едното лице гледаше към чукарите, долините, платата, зад които блестяха островърхи планини, а с другото, по-светлото – към морето и през неговата синина към света, към тайната, защото Криж при Триест, за него става дума, е селце, подобно на гнездо, изгърбено над морето и сраснало се с Крас. Там попаднах между именити хора, шумни веселяци, пияници и певци. Когато го опознах добре и когато очите ми започнаха да се зазявват след шарените панделки и полички, установих, че съм момче, тоест, че ще стана юноша и после мъж – а в Криж беше много важно да ти се изясни нещо на селския мегдан, кръстопътя на всички пътища.

*В село Криж мегданът
е и кръстопът.
На него кръшно се тъпляят крижани,
навсякъде се врат
свадливи, изтерзани,
ако не са пияни.
Или пък, скръстили ръце,
безгръжно си живуркат,
наместо рожби да дунуркат,
над кръстословици умуват
виноравно и отвесно –
пред виното ликуват,
кръстят се и се страхуват,
да не вземе да ги връхлети беда
и то да стане на вода.
Крижанките задяват,
подвикват им, приляват
и ги възмущават,
просто с тези умове блестящи
си слагаш таралеж във гащи.*

Разбирамо е, че съм се родил точно на сърдцето на морето, непосредствено до мегдана. Когато стабилно проходих и можех да кретам след татко и мама, пренесохме беднотията си на края на селото: заселихме се на стръмното, което за един писател е очевидно най-подходящо. Оттам започнах плахо да разучавам близките и с течение на времето не толкова близки околности, ту в единния край на селото, ту в другия и след това бързо се връщах вкъщи, за да не се изгубя. Най-дълго се задържах единствено над морето. Когато и да отидех на мястото, откъдето можех да наблюдавам синята шир между Истрия и Фурланската равнина, която точно пред мен докосваше небето, понякога в нюансите на същата синева, друг път с остро изразена линия на хоризонта, застивах със зяпнала уста. Беше невероятно величествено, беше невероятно естествено.

Трудно е да разказваш за морето на някого, който не го познава, но за онзи, който са го преживели и го преживяват, е също толкова трудно да се намерят точните думи. Морето си е море. Морето е това водно пространство, разположено в равнината пред теб, тайнствено и неуловимо. Загребаш го, но не можеш да го задържиш: в ръцете ти остават само няколко гълътки солена вода. Обикновено е познатото ти, кротко и нежно, ласкателно, предразполагащо те към веселие, а изведнъж стане тъмно, сърдито и нападателно, разбеснее се с пенести, смъртно опасни вълни, но затова пък винаги те изпълва с дълбоко уважение. А същевременно морето е и онова, което е там отвъд, там далеч, от другата страна на хоризонта, това, което те мами с милия глас на сирените. Натам, далеч в открито море, бленуваше и момчето на брега, което се питаше:

Виждах пред себе си
лодка в морето,
тя се изгуби
в небето.

Виждах, минаваше
странна мъгла:
беше подобна
на птица.

Лодки
нататък напредват –
кой знае
защо?

Птици
безгръжно ги следват –
кой знае
защо?

Мойто
сърце с тях беседва –
защо ли?
Кой знай?

Колко млади сърца са бленували по същия начин за неизвестното, за бурни плавания, за приключения, за приказни презморски страни, за които ни разказваха в мразовитите зимни вечери. Децата напрегнато слушахме и нощем се въртяхме неспокойно, докато в сънищата си плавахме към своите блянове. Така беше с всички, които раснахме в селцата над морето. Тези наши краища са нанизани по залива като мъниста на огърлица. В очите на чуждия моряк може би всички изглеждаха еднакви, но съвсем не е така. Всяко е различно от останалите както на вид, така и по характер и душа. Всяко е скъпоценно само за себе си.

*Ако си послушен
и си добродушен,
взимай в дар
Мирамар.*

*Ако си играв
и смел,
получаваш
Контовел.*

*А ако си искрен,
нека
бъде твоя
и Просека.*

*Зърнеш ли
зефира син,
вечно твой ще е
Девин.*

*Ако пък си
все засмян,
то за теб е
Сеслян,*

*а щом дързост
проявиш,
имаш
моя роден Криж.*

Of Križ and Karst

An autobiography with a selection of children's poems about my native Križ, the sea and the Karst

*Translated by Timothy Pogačar
Contact of the translator: pogacar@bgsu.edu*

I don't at all recall choosing the planet I would be born on. And I'm not aware of deciding on the place this would happen. Whether I did this lightly, without deep thought, or someone else did this for me. But it turned out that no sooner was I born than I found myself right in the middle of the world, not the world, but exactly in the navel of the universe. And even now, burdened by my years, as I view my path, I see that my child's eye did not deceive me.

The chosen or accidentally assigned land was wondrous: it stretched out just enough to seem immeasurably large to me, for as a child I couldn't walk all around it, at the same time it was so very small that it all remained in my heart.

Besides, it was imbued with something rare and invaluable: it had two faces. It was like the sky with the moon and sun. It faced the meadows, valleys, and upland beyond which mountain peaks shone; the brighter face was fixed on the sea and across its blueness on the world and mystery.

It is Križ near Trst that we're talking about, it's a nest-like village perched above the sea and growing into the Karst. I found myself in it with wonderful people, loud revelers, and drinkers and singers. When I got to know it real well and my eyes began to steal looks at colorful bows and skirts, I decided that I was a kid, that I would be a boy, and finally a man—in Križ that was pretty important, as you could see on the town square, the crossroads of all paths.

*In Križ there's a cross
at Crossroads.
Križans cross it, usually
criss-cross,
contrary and angry,
when sober.
But they dream
arms crossed,
doing the Križ kids'
crosswords
winewise and across—
indeed about wine
they chat
by the water
crossing,
looking at the womenfolk
who beset them
they start to smoke,
for the way they boss
they're the biggest cross.*

You see, I was born right in the middle of that center of creation, close by the Crossroads. When I was sturdy enough on my legs to walk after pop and mom, we moved our poor belongings to the edge of the village: we moved "up the hill," as right befits a writer. From there I set off on timid explorations of near and, in time, more distant surroundings, to one end of the village then the other, quickly returning home so I wouldn't get lost. It was only above the sea that I paused. When I came to the place from where I could look out over the expanse of blue between Istra and the Fruilian plain, which joined the sky right before me, sometimes in a blend of the same blue, sometimes with a sharply etched horizon, I stared with mouth agape. It was unbelievably powerful, it was unbelievably simple.

It is hard to speak about the sea to someone who doesn't know it; for those who have felt and feel it, it is just as hard to find the right words. The sea is the sea. The sea is that expanse of water spread on the plain before you, mysterious and inapprehensible. You grasp for it and cannot grasp it: only a few sips of salt water are left in your hands. Usually it is homey, meek and mild, caressing, inviting you to relax, then it can suddenly darken, start to bark and bite, go crazy in frothy, deadly waves, and so it always deserves deep respect. At the same time the sea is what lies beyond, there at the bottom of the horizon, what invites you with a sweet siren voice. A little boy on the shore yearned to go far away over the sea, asking himself:

*I saw, saw
a sail on the sea,
as it sank
far away from me.*

*I saw, saw
a whisp on high:
like a gull
in the sky.*

How many young hearts have so yearned for the unknown, for stormy sailing, for pirates, for foreign fairytale lands we heard about on winter evenings. We children listened intently and at night tossed in our sleep, dream sailing with out desires.

That's how it was with all of us who grew up in the villages above the sea. Our villages lay along the bay like gems on a necklace. Though they may have seemed all alike to the foreign sailor's eye, they are not at all. Each of them is unique in its shape as well as way of life and soul. Each is its own treasure.

*If you're good
and watch out,
I'll give you a gift
of Miramar.*

*If it's joy you
want,
I'll give you
Kontovel.*

*If you whistle
while you trek,
you'll get half
of Prosek.*

*If ever you must leave
these shores,
your souvenir
is Devin.*

*If you're always
up for fun,
then for you
Seslian,*

*if you're bright,
you delight
is my
dear Križ.*

*Sails
speed into the distance—
who knows
why?*

*Birds
fly with them—
who knows
why?*

*My heart
goes with them—
why?
Who knows?*

Križ en Karst*

Autobiographie avec sélection de comptines enfantines autour du village natal de Križ, de la mer et du Karst.

Translated by Grégoire Labbé

Contact of the translator: g.lab85@gmail.com

Je ne me souviens pas avoir choisi la planète sur laquelle j'allais naître. Je n'ai pas non plus conscience d'avoir décidé du lieu, où ça devrait se produire. Je n'y ai peut être pas vraiment réfléchi, ou alors superficiellement, à moins que quelqu'un d'autre ne l'ait fait pour moi. En tout état de cause, je suis quasiment né au milieu du monde, que dis-je, le monde, de fait exactement dans le nombril de l'univers. Encore maintenant, lorsque je regarde en arrière, chargé du poids des années, je constate que mes yeux d'enfants ne se sont pas trompés.

Le lieu choisi ou désigné était merveilleux : d'une étendue telle, qu'il me semblait immensément grand, car en tant qu'enfant je ne pouvais pas en faire le tour. Je le savais aussi si petit, qu'il pouvait se loger entièrement dans mon cœur.

Il lui a par ailleurs été donné quelque chose de rare et d'inestimable : il a deux aspects. Il était comme un ciel comportant lune et soleil à la fois. De son premier visage il regardait vers la campagne, les vallées, les plateaux derrière lesquels étincelaient de hautes montagnes. De l'autre, plus lumineux, on apercevait la mer, et du fond de son bleu azur, le mystère.

Car Križ, près de Trieste, puisque c'est de cela que l'on parle, est un nid semblable à un village, une bosse au-dessus de la mer rejoignant le Karst. Je me suis retrouvé en lui parmi des gens exceptionnels, des fanfarons bruyants, des buveurs et des chanteurs. Lorsque je l'ai reconnu pour de bon et que mes yeux ont commencé à s'enfuir derrière des rubans et les jupes, j'ai constaté que j'étais un garçon, que je serai donc un jeune homme puis finalement un homme. Ca a été assez important à Križ, comme on a pu le constater sur la place du village, point de rencontre de tous les chemins.

*A Križ est un carrefour
A la croisée des chemins,
Où croisent les Križani,
Cahin-caha.
Sobres, ils sont
Acariâtres et courroucés,
Ou alors ils rêvent
Les bras croisés,
Résolvent des mots croisés,
Devant les enfants de Križ
Horizontalement, dans toutes les
directions
En haut, en eau, en vin
Et concernant ce vin,
Leurs discussions ne se tarissent
Jamais alors que l'eau
Les contrariant et les excèdent
Car c'est en elle qu'ils portent
Leur plus grande croix.*

Il est compréhensible que je sois né précisément au milieu de ce centre de la création, juste à côté de Križadi. Quand j'ai commencé à marcher avec assurance, et que j'ai pu suivre les pas de papa et maman, nous avons déplacé notre pauvreté au bord du village, et nous sommes installés sur la Côte, lieu idéal pour un écrivain. De là je me lançais dans de timides explorations des alentours, et, le temps aidant, d'environnements toujours moins proches, tantôt d'un côté du village, tantôt de l'autre, pour finalement revenir rapidement à la maison et ne pas me perdre. Je me suis souvent tenu immobile, dominant la mer. J'en restais toujours bouche bée, lorsque j'arrivais à l'endroit duquel j'avais un point de vue sur l'étendue azurée entre l'Istrie et la plaine de Frioul. Elle me rejoignait droit devant et se fondait avec le ciel, parfois dans une nuance du même bleu, parfois avec la ligne tranchante et découpée de l'horizon. C'était étonnamment puissant et incroyablement simple.

Il est difficile de parler de la mer à quelqu'un qui ne la connaît pas. Pour ceux qui l'ont vécu et la vivent encore, j'ai vraiment du mal à trouver les bons mots. La mer, eh bien, c'est la mer. La mer est cette étendue d'eau déployée devant toi, plate, mystérieuse et insaisissable. Tu veux la puiser mais ne peux pas le faire : dans tes mains il ne te reste que quelques gouttes d'eau salée. Habituellement elle est sage, apprivoisée et tendre. Aimante, elle t'invite à la l'exubérance. Mais d'un coup elle s'assombrit, gronde et attaque, avec des vagues écumantes de rage, qui menacent de mort. Elle est pour cela toujours digne du plus profond respect. La mer, c'est aussi ce qui est là-bas, au fond de l'horizon, et qui t'invite avec la belle voix des sirènes. Loin d'ici, par-delà l'horizon, un garçon rêveur, debout sur la côte, se demandait :

*J'ai vu, oui j'ai vu
Sur la mer une barge
Lorsqu'elle a disparu
Là, loin au large.*

*J'ai vu, oui j'ai vu
Haut dans le firmament
Un nuage semblable à
Un goéland.*

*Des voiliers
Hâtent leur fuite.
Qui sait
Pourquoi ?*

*Les oiseaux
Volent à leur suite.
Qui sait
Pourquoi ?*

*Avec eux
Mon cœur palpite.
Pourquoi ?
Qui sait !*

Combien de jeunes coeurs ont-ils ainsi, devant l'inconnu, aspiré après des voyages houleux, des aventures, des lieux d'outre-mer merveilleux, à propos desquels nous écoutons des histoires lors des soirées glaciales d'hiver. Nous, les enfants, avons tout écouté attentivement et avons tangué, la nuit dans le sommeil, vogant en rêve après nos souhaits.

Il en a été ainsi de nous tous, qui avons grandi dans les villages au-dessus de la mer. Ces endroits sont étendus le long de la baie comme des perles sur un collier. Le père d'un marin étranger pourrait les juger toutes identiques, mais elles ne le sont en aucune façon. Chacune d'entre elles est différente de toutes les autres, autant pour son apparence que pour son caractère et son âme. Chacune en soi est précieuse.

*Si tu es gai
mais peu bavard,
je t'offrirais
bien Miramar.*

*Si tu es tel-
lement joyeux,
tu s'ras heureux
à Contovel.*

*Si toi tu cries
et détale sec,
tu seras mis
vite à Prosek.*

*Si tu veux par-
tir au loin,
ton grand départ
sera à Devin.*

*Su tu es tou-
jours content,
Tu f'ras un bout
d'chemin à Seslian.*

*Si t'es malin
et honorable,
oui, tu obtiens
mon Križ natal.*

Guide de prononciation pour les quelques noms slovènes :

ž = j

č = tch

š = ch

j = y

Kreuzi kratzi

Eine Autobiographie mit einer Auswahl an Gedichten für Kinder über meinen Geburtsort Kreuz (Križ pri Trstu / Santa Croce nahe Triest), das Meer und den Karst

*Translated by Karin Almasy
Contact of the translator: karin@almasy.at*

Ich könnte mich nicht erinnern, mir einen Planeten ausgesucht zu haben, um dort auf die Welt zu kommen. Ich bin mir auch nicht bewusst, dass ich mir einen Ort ausgesucht hätte, wo dies geschehen soll. Oder habe ich das oberflächlich gemacht, ohne großes Überlegen, oder hat das jemand anders für mich gemacht? Es ist nun aber mal geschehen, dass ich mich, kaum geboren, genau inmitten der Welt wiedergefunden habe, ach was nur inmitten, direkt im Nabel der Welt. Und noch jetzt, wenn ich mit Jahren beschwert meinen Weg betrachte, sehe ich, dass mich meine Kinderaugen nicht getrogen haben.

Dieser absichtlich oder zufällig bestimmte Ort war wundervoll: gerade angemessen viel Weite, um mir unermesslich groß vorzukommen, da ich ihn ja als Kind nicht abgehen konnte, zum anderen aber auch so klein, um ganz in meinem Herzen Platz zu haben.

Außerdem war ihm noch etwas Seltenes und Unbezahlbares eigen: Er hatte zwei Gesichter. Er war wie ein Himmel mit einem Mond und einer Sonne. Mit dem einen Gesicht blickte er über die Gemeindewiesen, die Täler, die Hochebene, über welcher die spitzen Berge blitzten, mit dem anderen schaute er aufs Meer, und über seine Bläue in die Welt, in etwas Geheimnisvolles;

denn Kreuz bei Triest, über diesen Ort ist die Rede, ist ein nestähnliches Dorf, eingebettet über dem Meer und mit dem Karst verwachsen. In diesem Dorf fand ich mich unter ausgezeichneten Menschen wieder, unter lauten Lebemannern und Säufern und Sängern. Als ich es eingehend kennen gelernt hatte und als meine Augen begannen den Röcken hinterher zuschauen, fand ich heraus, dass ich ein kleines Büblein bin, dass ich folglich zum Jungen und letzten Endes zum Manne werden würde – das alles war in Kreuz noch irgendwie wichtig, wie man es am Dorfplatz feststellen konnte, am Knotenpunkt aller Wege.

*In Kreuz ist die Kreuzung
an der Wegkreuzung heut'.
Dort kreuzen sich die Wege der
Kreuzer Leut'
kreuz und quer
satt und übel gesinnt,
wenn sie nüchtern sind.
Oder sie träumen,
mit gekreuzten Armenbeugen,
anstatt der Kreuzer Kinder
lösen sie Kreuzworträtsel
übers Kreuz und weingerad –
gerade über Wein
darf's immer ein Schwätzchen
sein
und vor dem Wasser
bekreuzigen sie sich,
den Kreuzerinnen schauen sie
hinterher
und ärgern sich gar schwer,
weil es ist ein Überdruss,
dass es mit ihnen immer
ein Kreuz sein muss!*

Verständlich also, dass ich genau im Mittelpunkt dieser Krone der Schöpfung auf die Welt gekommen bin, in unmittelbarer Nähe dieser Wegkreuzung. Als ich dann sicher gehen gelernt hatte, um mit Vater und Mutter zu gehen, haben wir unsere Armut an den Dorfrand transferiert: Wir übersiedelten auf Den Steilweg, wie dieser berühmte Roman von Ivan Cankar heißt, was für einen Schriftsteller offenbar die einzige geeignete Adresse ist. Von dort begab ich mich auf scheue Erkundungstouren der näheren und mit der Zeit der nicht mehr so nahen Umgebung, bald auf der einen Seite des Dorfes, bald auf der anderen, und kehrte schnell heim, um mich nicht zu verirren. Lang hielt ich mich nur über dem Meer auf. Wenn ich an die Stelle kam, von der aus man die ganze bläuliche Weite zwischen Istrien und der friulanischen Ebene, die sich geradewegs vor mir mit dem Himmel berührte, überblicken konnte, starrte ich offenen Mundes manchmal in den Übergang derselben Bläue, manchmal mit scharf gezogener Horizontlinie. Es war ungeheuer mächtig, es war ungeheuer schlicht.

Es ist schwierig, jemandem vom Meer zu erzählen, der es nicht kennt; für jene aber, die es erlebt und mit ihm leben, ist es schwierig, die rechten Worte zu finden. Das Meer ist nun mal das Meer. Meer, das ist diese Weite aus Wasser, die sich vor dir in der Ebene ausbreitet, geheimnisvoll und ungreifbar. Du fasst danach und kannst es doch nicht fassen: In deinen Händen bleiben nur einige Schlucke Salzwasser. Für gewöhnlich ist es heimelig, zutraulich und sanft, liebkosend, es lädt dich dazu ein, ausgelassen zu sein, aber auf einmal kann es sich verdunkeln, wird mürrisch und bissig, wütet mit Gischt geifernden Wellen, die dir mit dem Tode drohen, deshalb gebietet ihm stets tiefe Ehrfurcht. Gleichzeitig ist das Meer auch das, was dort drüben ist, dort am Grunde jenseits des Horizonts, das, was dich mit sanftem Sirenengesang lockt. Dort an der Küste sehnte sich auch ein Jüngling weit ins Meer hinaus, und fragte sich:

*Ich sah, ich sah,
ein Segel auf hoher See,
das versank
im Horizont, herje.*

*Ich sah, ich sah,
am Himmel ein Wölkchen so klein:
es ähnelte einem
Möwelein.*

Wie viele junge Herzen sehnten sich wohl so nach dem Unbekannten, nach stürmischen Schiffahrten, nach Abenteuern, nach märchenhaften jenseits des Meeres liegenden Orten, über welche wir in eisigen Winternächten gehört hatten. Wir Kinder hörten angespannt zu und wälzten uns nachts im Schlaf, als wir im Traum unseren Wünschen hinterhersegelten.

So war es mit uns allen, die wir in den Dörfern über dem Meer aufgewachsen sind. Diese unsere Orte liegen verteilt an der Bucht wie Edelsteine im Geschmeide. Den Augen eines fremden Seemannes mögen sie alle gleich erscheinen, was sie aber keinesfalls sind. Jeder von ihnen ist anders als alle anderen, sowohl nach Gestalt also auch nach Charakter und Seele. Jeder ist eine Kostbarkeit für sich.

*Bist du tüchtig
und vorsichtig,
biet ich dir dar
Miramar.*

*Wärst du gerne
sehr zufrieden,
kannst du
Contovello kriegen.*

*Bist du der, der muss
johlen und fliegen,
kannst du nur halb
Prosecco kriegen.*

*Musst du oft
über Stock und Stein,
kanns als Andenken
nur Devincina für dich sein.*

*Vergnügt und heiter
geht's stets weiter,
ist das was für dich,
dann bleib in Sistiana ewiglich.*

*Bist du frech und nicht ganz züchtig
aber doch in allem tüchtig,
dich freuts,
mein heimatliches Kreuz.*

*Die Segel
eilen in die Ferne bald –
wer weiß,
weshalb?*

*Die Vögel
folgen ihnen bald –
wer weiß,
weshalb?*

*Mit ihnen
zieht mein Herz so heiß –
weshalb?
Wer weiß!*

Kriško Kraške

Autobiographie mit einer Auswahl von Kindergedichten über die Heimat Križ, das Meer und den Karst

Translated by Ann Catrin Apstein-Müller
Contact of the translator: ac-am@gmx.de

Ich erinnere mich nicht, mir den Planeten ausgesucht zu haben, auf dem ich geboren werden sollte. Ich wüsste auch nicht, dass ich mich für einen Ort entschieden hätte, wo das geschehen sollte. Ob ich das oberflächlich getan habe, ohne tiefer darüber nachzudenken, oder ob das jemand anderes für mich getan hat. Und es geschah, dass ich mich, kaum geboren, genau in der Mitte der Welt wiederfand, genau im Nabel des Weltalls. Und noch jetzt, da ich unter der Last der Jahre meinen Weg betrachte, sehe ich, dass mich meine Kinderaugen nicht getrogen haben.

Der gewählte oder mir zufällig zugesuchte Ort war wundervoll: genau in der richtigen Ausdehnung, dass er mir unermesslich groß schien, denn als Kind konnte ich ihn nicht umrunden, zugleich so klein, dass er ganz in mein Herz hineinpasste.

Außerdem hatte er etwas Seltenes und Unschätzbares: Er hatte zwei Gesichter. Er war wie der Himmel mit Mond und Sonne. Mit dem einen Gesicht blickte er zu den Fluren, den Tälern, den Ebenen hin, hinter denen scharfe Berge aufblitzten, mit dem anderen, helleren, war er ins Meer versunken und über dessen Blau hinweg in die Welt, ins Geheimnis.

Denn Križ bei Triest, von ihm ist die Rede, ist ein Dorf ähnlich einem Nest, gebückt über dem Meer und verwachsen mit dem Karst. In ihm befand ich mich unter vornehmen Leuten, lärmenden Halodris und Zechern und Sängern. Als ich es vollends kennengelernt hatte und als meine Augen begannen, mir zu bunten Schleifen und Röckchen zu entfliehen, stellte ich fest, dass ich ein kleiner Bub war, dass ich also ein Junge werden würde und schließlich ein Mann – und das war in Križ noch irgendwie bedeutend, wie man auf dem Dorfplatz feststellen konnte, der Kreuzung aller Wege.

In Križ ist eine Kreuzung auf der Križada.
Ganz Križ kreuzt da kreuz und grad griesgrämig grummelnd, nüchtern sich tummelnd. Oder man träumt bloß, die Hände im Schoß, anstelle der Križer Kinder kreuzworträtseln sie über kreuz und weinbergeben – und gerade über Reben plaudern sie und vor dem Wasser kreuzen sie, schaun Križerinnen hinterher und grollen dass die mehr sind, als sie wollen, denn mit ihnen, wie man weiß, bekommt man hier das größte Kreuz.

Verständlich, dass ich gerade inmitten dieses Mittelpunkts der Welt geboren wurde, nahe der Križada. Als ich sicher laufen konnte, so dass ich mit Mama und Papa gehen konnte, haben wir unsere Armut an den Rand des Dorfes verlegt: Wir sind nach Klanec gezogen, ideal für einen Schriftsteller. Von dort machte ich mich zu einer schüchternen Erforschung der näheren und mit der Zeit auch der weniger nahen Umgebung auf, mal auf der einen Seite des Dorfes, mal auf der anderen, und ging schnell wieder nach Hause zurück, damit ich mich nicht verließ. Länger hielt es mich nur über dem Meer. Wenn ich an eine Stelle kam, von der ich über die Weite des Blaus zwischen Istrien und der friulischen Ebene blicken konnte, die geradeaus vor mir den Himmel berührte, manchmal in einem fließenden Übergang in dasselbe Blau, manchmal in einer scharf gezogenen Horizontlinie, starre ich mit offenem Mund. Es war unglaublich gewaltig, es war unglaublich einfach.

Es ist schwer, jemandem etwas über das Meer zu sagen, der es nicht kennt, aber es ist genauso schwer, für die, die es erlebt haben und erleben, die richtigen Worte zu finden. Das Meer ist eben das Meer. Das Meer ist diese Wasserweite, vor dir in der Ebene ausgebretet, geheimnisvoll und unfassbar. Du fasst es und kannst es nicht fassen: In deinen Händen bleiben nur ein paar Schlucke Salzwasser. Gewöhnlich ist es vertraut, zahm und zart, liebkosend, es lädt dich zur Ausgelassenheit, doch auf einmal kann es sich verdunkeln, knurrig und bissig werden, mit schäumenden Wellen wüten, die mit dem Tode drohen, deshalb ist es immer tiefen Respekt wert. Zugleich ist das Meer aber auch das, was dort drüber ist, dort am Grund jenseits des Horizonts, das, was mit den sanften Stimmen der Sirenen lockt. Dort fern übers Meer sehnte sich auch der kleine Junge am Ufer, der sich fragte:

Ich habe gesehen, gesehn Ein Segel auf dem Wasser wehn, am Horizont dann untergehn.

Ich habe gesehen, gesehn, ein Wölkchen im Blau, es ähnelte einer Möwe genau.

Die Segel in die Ferne jagen – Wer kann sagen, warum?

Die Vögel Folgen ihren Bahnen – Wer mag ahnen, warum?

Nach ihnen Sehnt mein Herz sich heiß – Warum? Wer weiß!

Wie viele junge Herzen sehnten sich so nach dem Unbekannten, nach stürmischen Seefahrten, nach Abenteuern, märchenhaften Orten jenseits des Meeres, von denen wir an kalten Winterabenden gehört haben. Wir Kinder lauschten gespannt und warfen uns nachts im Schlaf umher, wenn wir im Traum unseres Wünschen hinterhersegelten.

So war es mit uns allen, die wir am Meer aufwuchsen. Unsere Orte ziehen sich an der Bucht entlang wie Juwelen an einer Kette. Dem Auge des fremden Seemanns mögen sie alle gleich sein, aber das sind sie nicht. Jeder von ihnen ist anders als alle anderen, vom Bild und vom Wesen und von der Seele her. Jeder ist eine Kostbarkeit für sich.

*Bist du fleißig,
wunderbar
dann schenk ich dir
Miramar.*

*Bist du ordentlich
Und schnell
Dann schenk ich dir
Kontovel.*

*Bist du ein wahrer
Elternschreck,
bekommst du nur halb
Prosek.*

*Musst du fort,
ganz gleich wohin,
nimm als Souvenir
Devin.*

*Bist du verspielt
und lachst mich an,
dann geb ich dir hier
Seslian.*

*Bist ungezogen du,
und störrisch,
verdienst du
meine Heimat Križ.*

Kryžiaus Kraso

Autobiografija su vaikiškais eileraščiais apie gimtajį Kryžių, jūrą ir Krasą

*Translated by Kristina Tamulevičiūtė
Contact of the translator: kristina.tamuleviciute@gmail.com*

Neprisimenu rinkęsis planetą, kurioje norėčiau gimti. Atminty neužsilikęs ir krašto, kuriame tai turėtų jvykti, rinkimasis. Taigi arba rinkausi paviršutiniškai, nesvarstydamas, arba tai už mane atliko kažkas kitas. Atsitiko taip, kad gimės atsidūriau pasaulio viduryje, ką ten viduryje, pačioje kosmoso bamboje. Ir dabar, kai metai uždėjo savo naštą, matau, kad vaikiškos akys manęs neapgavo.

Išsirinktas ar išrinktas kraštas buvo nuostabus: jis buvo sustatytas taip, kad man atrodė neišmatuojamai didelis, juk būdamas vaikas negalėjau jo išvaikščioti skersai išilgai, bet kita vertus, jis buvo toks mažytis, kad tilpo mano širdutėn.

Be to, jam buvo duota šis tas reto ir neįkainojamo: turejo jis du veidus, lyg dangus, kuris turi saulę ir ménulį. Vienas jo veidas žvelgė į girias, slėnius ir plynaukštės, o kitas, šviesesnis, stebėjo jūrą ir žinojo paslaptį, kurią slėpė vandens méllynumas.

Juk Kryžius prie Triesto, apie jį aš kalbu, yra į lizdą panašus kaimelis, apjuostas jūros ir suaugęs su Krasu. Jame buvau apsuptas nuostabių žmonių, triukšmingų puotautojų, ūžėjų ir stikliuko mėgėjų. Gerai pažinęs savo kaimą, pastebėjau, kad akys krypsta į margus kaspinus bei sijonus ir supratau, kad esu berniukas, taigi būsiu vaikinas, o vėliau ir vyras – tai Kryžiuje dar ir kaip svarbu, gali tuo jsitikinti pagrindinėje kaimo aikštėje, visų kelių kryžkelėje.

*Kryžiuj kryžkelė
Kryžiaidoj.*

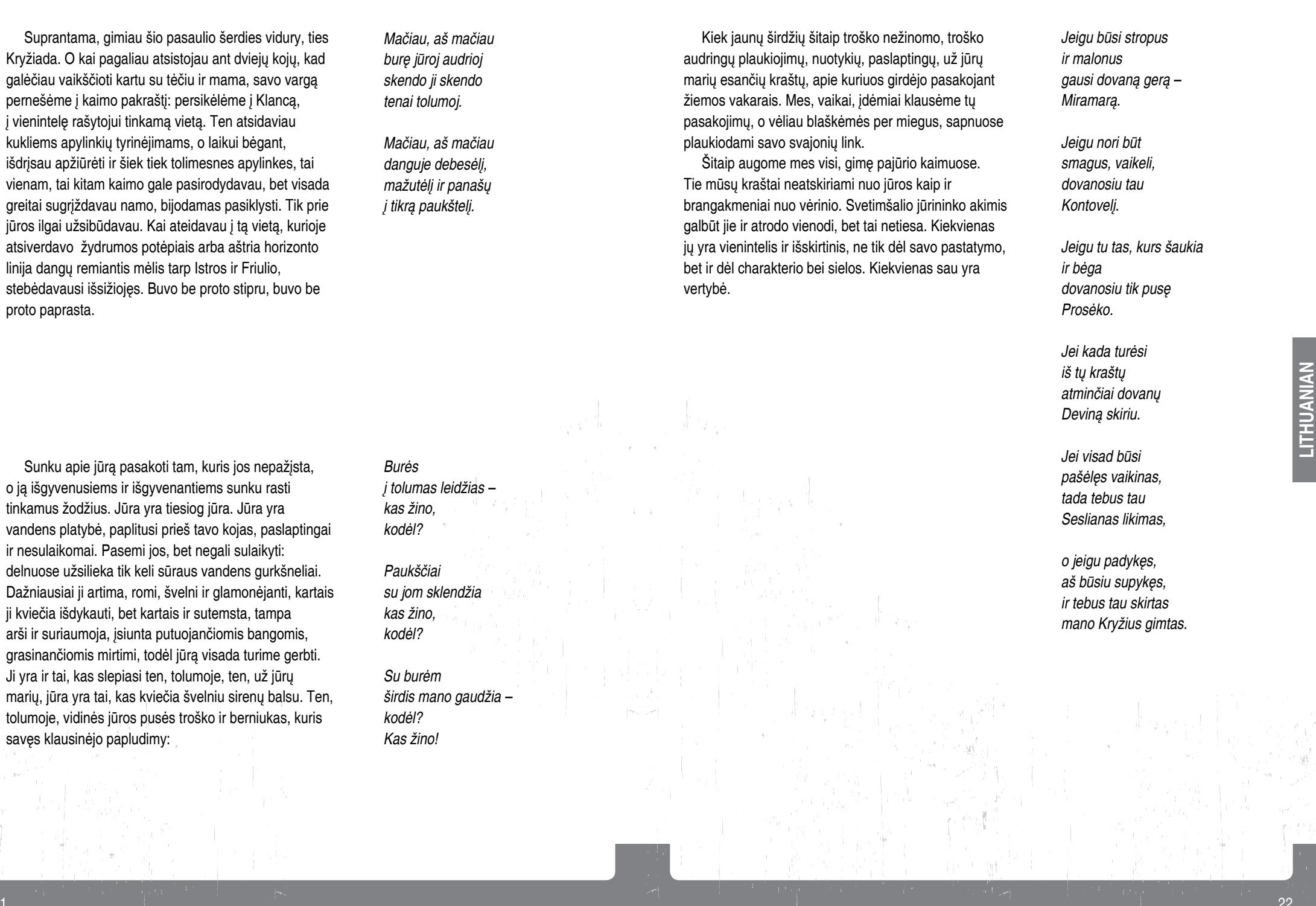
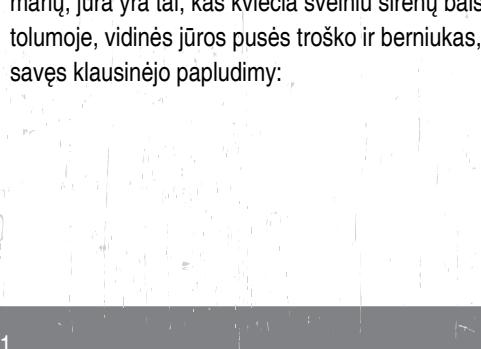
*Kryžiuoja kryžiečiai dažniausiai ja
kryžiaiš kryželiais,
pikti ir šiurkštūs jie bus
vos vyno pritrūks.*

*Kryžiečiai gal svajoja
rankas sukryžiavę*

*lyg vaikai kaimelio
kryžiažodžius kuria
vinotiesiai kryžmaiš –
apie vyną kaip tik
dūmoja,*

*prieš vandenį
žegnoja,
j kryžietes žiūri
ir susituri,
kad jų nesuriestų,
nes su pana gražiausia
gausi kryžių didžiausią.*

Suprantama, gimiau šio pasaulio šerdies vidury, ties Kryžiada. O kai pagaliau atsistojau ant dvių kojų, kad galėčiau vaikščioti kartu su tėčiu ir mama, savo vargą pernešėme į kaimo pakraštį: persikėlėme į Klancą, į vienintelę rašytojui tinkamą vietą. Ten atsidaviau kukliems apylinkių tyrinėjimams, o laikui bėgant, išdrjsau apžiūrėti ir siek tiek tolimesnes apylinkes, tai vienam, tai kitam kaimo gale pasirodydavau, bet visada greitai sugrždavau namo, bijodamas pasiklysti. Tik prie jūros ilgai užsibūdavau. Kai ateidavau į tą vietą, kurioje atsivedavo žydrumos potėpias arba aštria horizonto linija dangų remiantis mėlis tarp Ietros ir Friulio, stebédavausi išsižiojės. Buvo be proto stipru, buvo be proto paprasta.

*Mačiau, aš mačiau
burę jūroj audrioj
skendo ji skendo
tenai tolumojo.*

*Mačiau, aš mačiau
danguje debesėlį,
mažutėlį ir panašų
j tikrą paukšteli.*

Kiek jaunų širdžių šitaip troško nežinomo, troško audringų plaukiojimų, nuotykių, paslaptinges, už jūrų marių esančių kraštų, apie kuriuos girdėjo pasakojant žiemos vakarais. Mes, vaikai, jdėmiai klausėme tų pasakojimų, o vėliau blaškémés per miegus, sapnuose plaukiodami savo svajonių link.

Šitaip augome mes visi, gimę pajūrio kaimuose. Tie mūsų kraštai neatskiriami nuo jūros kaip ir brangakmeniai nuo vėrinio. Svetimšalio jūrininko akimis galbūt jie ir atrodo vienodi, bet tai netiesa. Kiekvienas jų yra vienintelis ir išskirtinis, ne tik dėl savo pastatymo, bet ir dėl charakterio bei sielos. Kiekvienas sau yra vertybė.

*Jeigu būsi stropus
ir malonus
gausi dovaną gerą –
Miramarą.*

*Jeigu nori būt
smagus, vaikeli,
dovanosių tau
Kontovelį.*

*Jeigu tu tas, kurs šaukia
ir bėga
dovanosių tik pusę
Proséko.*

*Jei kada turėsi
iš tų kraštų
atminčiai dovanų
Deviną skirių.*

*Jei visad būsi
pašėlės vaikinas,
tada tebus tau
Seslianą likimas,*

*o jeigu padykės,
aš būsiu supykės,
ir tebus tau skirtas
mano Kryžius gimtas.*

Sunku apie jūrą pasakoti tam, kuris jos nepažista, o ją išgyvenusiems ir išgyvenantiems sunku rasti tinkamus žodžius. Jūra yra tiesiog jūra. Jūra yra vandens platybė, paplitusi prieš tavo kojas, paslaptinges ir nesulaikomai. Pasemi jos, bet negali sulaikyti: delnuose užsilieka tik keli sūraus vandens gurkšneliai. Dažniausiai ji artima, romi, švelni ir glamonėjanti, kartais ji kviečia išdykauti, bet kartais ir suteimsta, tampa arši ir suriaumoja, jsiunta putuojančiomis bangomis, grasinančiomis mirtimi, todėl jūrą visada turime gerbti. Ji yra ir tai, kas slepiasi ten, tolumoje, ten, už jūrų marių, jūra yra tai, kas kviečia švelniu sirenų balsu. Ten, tolumoje, vidinės jūros pusės troško ir berniukas, kuris savęs klausinėjo papludimy:

*Burės
j tolumas leidžias –
kas žino,
kodėl?*

*Paukščiai
su jom sklendžia
kas žino,
kodėl?*

*Su burėm
širdis mano gaudžia –
kodėl?
Kas žino!*

Кришко крашки

Автобиографија со избор од песни за деца за родниот Криж, за морето и Крас

Translated by Darko Spasov

Contact of the translator: polatski@gmail.com

Воопшто не се сеќавам дека сум избирал планета на која ќе се родам. И не знам дека сум се одлучил за местото на моето раѓање. Дали тоа сум го направил површно, без подлабоко размислување или замене тоа го направил некој друг. А се случи, што туку роден се најдов токму во средината на светот, точно во папокот на космосот. И дури и сега, кога со годините оптоварен, го гледам својот пат, гледам дека детските очи не ме лажеле.

Избраниот или случајно наменетиот крај беше чудесен: доволно растегнат за да ми изгледа неизмерно голем, затоа што како дете не можев да го изодам, а истовремено толку мал, за да се смести во моето срце.

Освен тоа, му беше дадено и нешто ретко и непроценливо: имаше две лица. Беше како небо со месечина и сонце. Со едно лице гледаше кон шумите, долините, висорамнините, зад кои блескаа остри планини, со другото, посветлото, беше загледан во морето и преку неговата синевина, кон светот, во таинственоста.

За Криж при Трст станува збор. Криж е село што наликува на гнездо, згрбавено над морето и сраснато со Крас. Во него се најдов меѓу чудесни луѓе, гласни веселковци и пијачи и пејачи. Кога убаво го запознав и кога очите почнаа да ми бегаат по шарените панделки и фустанчиња, сфатив дека сум момче, па според тоа ќе бидам и големо момче и на крај маж – а тоа во Криж беше многу важно, како што можеше да се види на селскиот пазар, крстопатот на сите патишта.

Во Криж има крстопат на Крижада.
По неа крестосуваат крижани,
најчесто
ваму-таму
здодевни и бесполезни,
само да се трезни.
Или сонуваат
со скрстени раце,
наместо кришките деца
крстозборки решаваат
винорамно и накрст –
еве сега околу виното зборуваат
и пред водата
се прекрстуваат,
по крижанки гледаат
и се задеваат,
та им додеваат,
и со нив добиваш
најголем крст.

Разбираливо е што сум се родил точно среде овој центар на создавањето, на чекор од Крижада. Кога со сигурност проодев, така што можев да чекорам по татко ми и мајка ми, својата немаштија ја донесовме на крајот од селото: се населивме на Кланцот, место кое единствено одговара за писател. Од таму тргнував на плашливи истражувања на поблиската, а со текот на времето, и на сè помалку близката околина, де на едната страна на селото, де на другата, и бргу-бргу се враќав дома за да не се изгубам. Долго ме задржуваше само над морето. Кога ќе дојдев до местото, од каде можев да го фрлам погледот по широчините на синевината меѓу Истра и фурланската рамнина, која точно пред мене се допираше со небото, некогаш со преливањето на истата синевина, некогаш со прелевањето линија на хоризонтот, гледав со подзината уста. Беше неверојатно моќно, беше неверојатно едноставно.

Тешко е да му се зборува за морето некому, кој не го познава, а и за оние што го доживеале и го доживуваат, е тешко да се најдат вистински зборови. Морето си е море. Морето е тоа водно пространство, растргнато пред тебе во рамнината, таинствено и неуловливо. Го црпиш и не можеш да го зацрпиш: во раката ти останува само неколку голтки солена вода. Најчесто е питомо, кротко и нежно, милно, и повикува кон игривост, а наеднаш може да потемни, да 'ржи и беснее, да здивее со пенливи бранови, кои се смртно страшни, затоа морето секогаш треба да најдлабоко да се почитува. Морето е, исто така, што е таму отаде, таму на дното отаде хоризонтот, она што те мами со милиот глас на сирените. Таму далеку во морето на брегот копнеело момче, кое се прашувало:

Видов, видов,
едро в море,
како се топи
во небеските коли.

Видов, видов,
бело облаче:
сивнато како
галечче

Едра
во далечината имаат –
кој ли знае,
зошто?

Птиците
по нив летаат –
кој знае,
зошто?

Со нив
е и моето срце –
зошто?
Кој знае!

Колку млади срца копнееле по непознатото, по пловењата низ меѓави, по авантури, по патувања низ краеви од приказните, за кои слушавме во студентите зимски ноќи. Децата напната слушавме и навечер се превртувавме во сонот, кога во соништата едревме со своите желби.

Така беше со сите, кои растевме во селата над морето. Овие наши краеви се распослале покрај заливот како бисери на јердан. Во очите на странските морнари можеби сите изгледаат исто, но, секако, не се. Секое од тие места, по ликот, карактерот и душата е поинакво од сите други места. Секое е скапоценост само по себе.

*Ako су вреден
и внимателен,
за дар
ке го добиеш Мирамар.*

*Ako сакаш да си
весел,
ке ту го подарам
Контовел.*

*Ako су ту оној што вика
и мисли имроштини во тек,
ке добиеш само половина од
Просек.*

*Ako некогаш мора да заминеш
од домот бабин,
за спомен времи го
Девин.*

*Ako засекогаш останеш
разигран,
тогаш за тебе е
Сесљан,*

*a, ако су немирен,
тогаш су спремен,
ке го добиеш
мојот роден Криж.*

Krzyżowo krasowe

Autobiografia z wyborem wierszy dla dzieci o rodzinny Krzyżu, morzu i Krasie

*Translated by Regina Wojton
Contact of the translator: rwojton@gazeta.pl*

Nie przypominam sobie, żebym wybierał planetę, na której miałbym się urodzić. Nie uświadadam też sobie, żebym decydował się na miejsce, gdzie miałoby się to wydarzyć. Albo załatwiałem to byle jak, bez głębszego przemyślenia, albo zrobił to za mnie ktoś inny. A było to tak. Ledwie narodzony znalazłem się dokładnie w pęku świata. Nie tyle w centrum świata, co radości. I jeszcze teraz, kiedy przytaczony bagażem doświadczeń i lat patrzę na drogę swojego życia, widzę, że mnie moje dziecięce oczy nie oszukały.

Kraina wybrana albo przypadkowo mi przeznaczona była przecudnej urody. Rozlegała się idealną równiną. Wydawała mi się niezmiernie wielka, gdyż jako dziecko nie mogłem obejść jej dookoła. Jednocześnie była tak bardzo mała, że cała mieściła się w moim sercu.

Oprócz tego dane było jej coś rzadkiego i nieocenionego: posiadała dwa oblicza. Była niczym niebo z księciem i słońcem. Jedną twarzą spoglądała na hale, doliny, płaskowyż, z którego błyśczały ostre szczyty gór, drugą, jaśniejszą wpatrywała się w morze, a przez jego błękit – w tajemniczy świat.

Krzyż w okolicach Triestu, bo o nim mowa, to wieś podobna do jaskółczego gniazda – jest jakby przyklejona nad morzem i zrosnięta z Krasem. W niej znalazłem się pomiędzy szlachetnymi ludźmi, hałaśliwymi wesołkami, piwoszami i śpiewakami. Kiedy ją dobrze poznałem, a moje oczy zaczęły błądzić za kolorowymi kokardami i spódnicami, uzmysłowiłem sobie, że oto stałem się podlotkiem, toteż będę chłopakiem i w końcu kiedyś stanę się czymś mèem – co wówczas w Krzyżu miało jeszcze jakieś znaczenie. Zdałem sobie sprawę z tego na wiejskim placu – skrzyżowaniu wszystkich dróg.

W Krzyżu jest skrzyżowanie na Krzyżawie po nim krążą krzyżanie zwykłe krzyży, kradzieży mają dość i są zli a gdy „na trzeźwo” zdarzy się być im. Albo marzą ręce krzyżują i i jak dzieci krzyżówki rozwiązuają na krzyż i po równinie właśnie rozprawiają o winie i się od wody krzyżem się odzegnają za krzyżankami się oglądają mówią znudzeni: mój Panie największy krzyż to od nich dostaniesz.

Wiadomo, że urodziłem się w samym środku tego centrum dzieła stworzenia – tuż obok Krzyżawy. Pewnie już chodziłem, bo mogłem iść za tatą i mamą, kiedy przenieśliśmy swój nędzny dobytek na skraj wsi. Osiedliliśmy się na wznesieniu, co dla pisarza okazało się jedynym najlepszym zrządzeniem losu. Stamtąd udawałem się na nieśmiałe eksploracje pobliskiego terenu, z czasem coraz dalszej okolicy, raz na jedną stronę wsi, raz na drugą, po czym, żeby się nie zgubić, szybko wracałem do domu. Długo coś zatrzymywało mnie nad morzem. Gapiłem się z otwartą buzią, gdy przychodziłem na miejsce, skąd mogłem rozejrzeć się po szerokim błękitcie, rozpostartym pomiędzy Istrią a równiną Friuli, stykającą się tuż przede mną z niebem, czasem gdzieś na łagodnej linii cieśniny, czasem ostro zaznaczonym horyzontem. Była w tym zarazem niewiarygodna potęga i prostota.

Trudno jest opowiadać o morzu komuś, kto go nie zna; zaś tym którzy go doświadczyl i doświadczają, trudno jest znaleźć właściwe słowa. Morze to morze. Morze to jest ta wodna przestrzeń, rozlegająca się przed tobą niczym równina – tajemniczo i nieuchwytnie. Ogarniasz ją i jednocześnie nie możesz ogarnąć: w rękach zostanie ci tylko kilka łyków słonej wody. Zazwyczaj jest swojska, łagodnie i delikatnie całuje, zaprasza cię do zabawy i figli. Zasługuje na głęboki szacunek, bo nagle może ścieśnić, staje się marudna, napastliwa i wściekle rzuca grożący śmiertią spienionymi falami. Morze to również to, co jest tam dalej, na dnie, z drugiej strony widokręgu, to co wabi miłym głosem syren. Tam, za dalekimi krainami tęskni także chłopiec stojący na wybrzeżu, pytając:

*Widziałem, widziałem
żagiel na morzu
co tonął
za widokręgiem.*

*Widziałem, widziałem
obłoczek na niebie
co przypominał
gołębie.*

Ille młodych serc tak bardzo tęskniło za nieznanym, za targanymi wichrem rejsami, za wędrówkami, za bajkowymi zamorskim krainami, o których słyszeliśmy podczas mroźnych zimowych wieczorów. Jako dzieci w napięciu słuchaliśmy tych opowieści, a potem nocą rzucaliśmy się po łóżku, kiedy śniąc płynęliśmy za swoimi pragnieniami.

Doświadczyliśmy tego wszyscy, którzy dorastali w nadmorskich wioskach. Te nasze miejsca, rozwleczone wzduż zatoki niczym klejnoty na naszyjniku. Oczom marynarza-cudzoziemca wszystkie wydalyby się być jednakowe. Ale one takie nie są. Jeden od drugiego różni się zarówno wizerunkiem, charakterem i duszą. Każdy jest drogocenny sam w sobie.

*Jeśli będziesz grzeczny
i rozsądny
dam ci dar
Miramar.*

*Jeśli w radości masz życia cel
oddam ci
Kontovel.*

*Jeśli to ty, co z wichrem wyje
I ucieka
dostaniesz pót
Proseka.*

*Jeśli coś kiedyś zmusi cię
rzucić morze sine
nie zapominaj
o Devinie.*

*Jeśli nadal idziesz
w tan
spójrz, przed tobą jest
Seslian.*

*Miły kolego
nie wart jesteś tego
acz Krzyż dostaniesz
mój w posiadanie.*

*Żagle
w oddali pływały –
któ wie,
dlaczego?*

*Ptaki za nimi leciały
Kto wie
dlaczego?*

*Serca mojego szukaly –
dlaczego?
Kto wie!*

Крас-Оты Краса

или Возле города Триест есть село с названием Крест

Автобиография с избранными детскими стихами о родном Криже¹, море и Красе

Translated by Marianna Beršadskaja

Contact of the translator: marber2@rambler.ru

Не помню, была ли у меня возможность выбрать планету, на которой мне предстояло родиться. Не сохранилось в памяти и воспоминания о том, решал ли я, в каком месте это должно произойти. Или я отнесся к этому несерьезно, без глубоких размышлений, или это сделал за меня кто-то другой. Так или иначе, но, едва родившись, я оказался точнехонько в центре земли, да нет, не земли, а в самом средоточии вселенной. Даже сейчас, обремененный грузом прожитых лет, я оглядываюсь на пройденный путь и вижу, что детское зрение не обмануло меня.

Выбранный или случайно выпавший на мою долю край был прекрасен: он занимал ровно столько места, чтобы казаться мне огромным, ведь в детстве я не смог исходить его вдоль и поперек, и одновременно был таким маленьким, что целиком уместился в моем сердце. Кроме этого, ему было дано нечто редкое и неоценимое: у него было два лица. Он был подобен небу с луной и солнцем.

Одно его лицо было обращено к пастбищам, долинам и плоскогорьям, за которыми сверкали горные вершины, второе же, более светлое, чем первое, вглядывалось в море, в мир, раскинувшийся за его синевой, в тайну.

Ибо Криж в окрестностях Триеста, — а речь идет именно о нем, — это село, напоминающее гнездо, сгорбившееся над морем и сросшееся с Красом. В нем я был окружен замечательными людьми, умевшими шумно веселиться, пить и петь. Когда я понял это и стал заглядывать на яркие девчоночки бантики и юбочки, я осознал, что я мальчик и, следовательно, стану парнем и затем — взрослым мужчиной; а это в Криже было очень важным, в чем можно было убедиться на главной площади села, перекрестке всех дорог.

У села Крест
Перекресток многих
Окрестных дорог,
По которым сплоняются
Крестьяне — трезвые и
сердитые,
А как выпьют вина —
Добрые и небритьые.
И, подвыпив, мечтают,
Ну прямо как дети,
О торжестве справедливости
В целом свете.
Крестословы они решают
Вино-правно и отвесно,
А воды не пьют —
Это всем известно.
От воды откращиваются
Как от сатаны.
На гулянку надевают
Праздничные штаны,
Ведь в окрестностях Креста
Много красивых невест,
Вот только жить с ними в браке —
Самый тяжелый крест.
А вообще жизнь обычательей
хмельна и проста.
Временами кажется, что на них
нет креста,
А иной раз — как подумаешь и
посмотришь окрест,
Понимаешь: «Не стоит ставить на
них крест».

Понятно, что я родился в самом центре мироздания, рядом с окружной дорогой. Как только научился ходить и мог самостоятельно ковылять за отцом с матерью, мы перетащили свой нищий скарб на окраину села и поселились на улице бедняков², единственном месте, подходящем для пребывания писателя.

Оттуда я совершал робкие вылазки для обследования близких, а позднее и не таких близких окрестностей; забирался то на один конец села, то на другой, и торопливо возвращался домой, боясь потеряться. Подолгу я задерживался только над морем.

Придя на то место, откуда открывался вид на синеву моря между Иstriей и равниной Фриули, сливающуюся передо мной с небом, иногда в переливах того же синего цвета, иногда в резко очерченной линии горизонта, я всегда замирал при виде этого зрелица. В нем была невероятная сила и столь же невероятная простота.

Видел я, видел,
Как солнечный свет
Над синим морем
Струится.

Видел, как облако
В небе плывет
Словно
Большая птица.

Паруса
Уплывают вдаль,
Кто знает
Зачем?

Птицы за ними
Летят,
Кто знает
Зачем?

Сердце
За ними спешит.
Зачем?
Кто знает?

Сколько молодых сердец было полно мечтами о неизведанном, об опасных плаваниях, о приключениях, о сказочных заморских краях, о которых нам рассказывали старшие холодными зимними вечерами. В детстве мы очень внимательно слушали эти рассказы, а по ночам беспокойно ворочались в постелях, упливая во сне за своими мечтами.

Это пережили все, кто вырос в селениях над морем. Приморские селения нанизаны на берег подобно самоцветам драгоценного ожерелья. Иностранным морякам они, вероятно, кажутся совершенно одинаковыми, но это совсем не так. Каждое непохоже на остальных, отличаясь от них и внешним видом, и характером, и душевным складом. Каждое из них — уникальная драгоценность.

*Нет на свете
Лучше дара,
Чем красоты
Мирамара.*

*Коли весел ты
И смел,
Отправляйся
В Контовел.*

*Самый лучший
Дровосек
Получает в дар
Простек.*

*Среди каменных
Стремнин
Гордо высится
Девин.*

*Если ты умен
и пьян,
То возьми себе
Сеслян.*

*Коль мне очень
Угодишь,
Подарю тебе мой
Криж.*

О Криже и Красе

Автобиография с выбранными детскими стихами о родном Криже, море и Красе¹

Translated by Aleksandra Krasovec
Contact of the translator: aleksandrakrasovec@yahoo.com

Никаких воспоминаний о том, чтобы я выбирал планету, на которой должен был родиться, у меня нет. Я также не помню ничего, что бы говорило о выборе моей места, в котором это должно было произойти. Сделал ли я это наугад, без глубокого раздумья, или вместо меня это сделал кто-то другой. Случилось же так, что, лишь только появившись на свет, я сразу оказался в центре мира, что там мира, на самом пупе земли. И еще сегодня, когда я под тяжестью лет оглядываюсь на пройденный мной путь, то вижу, что детские глаза меня не обманывали.

Выбранный или случайно попавшийся край был прекрасен: распростертый ровно настолько, что казался мне неизмеримо большим, так как, будучи ребенком, я не мог обойти его весь, но в то же время он представлялся мне таким маленьким, что целиком помещался в моем сердце.

Помимо этого ему было свойственно нечто редкое и бесценное: у него было два лица. Он был как небо с луной и солнцем. Одно лицо его было повернуто к общенным землям, долинам, возвышенным равнинам, за которыми поблескивали остроконечные горы, другое же, более светлое лицо всматривалось в море и через его синеву — в мир, в тайну.

Поскольку Криж близ Триеста, о котором идет речь, — это деревня, сгорбившаяся на подобии гнезда над морем и приросшая к Красу. В ней я оказался по соседству с замечательными людьми, шумными весельчаками, любителями выпить и спеть. Когда я уже знал ее совсем основательно и когда мой взгляд невольно начал следить за пестрыми бантиками и юбочками, я понял, что я мальчик, а значит, что я буду юношей и в конце концов мужчиной — в Криже это было еще как важно, об этом можно было с легкостью понять на деревенской площади, скрещении всех путей.

В деревне Криж есть перекресток на главной площади Крижаде.

Обычно ходят там крижане крест на крест, вдоль и поперек.
Дуются и хмурятся,
если выпить нечего,
или руки в брюки,
мысли в облаках.

У ребятишек взяв,
кроссворды заполняют
вину горизонтально,
да и наискосок.

О вине как раз и речь,
а воды не предлагайте,
от нее откrestятся.

А прекрасные крижанки,
как на них не заглядеться!
Но и злость одолевает,
так как те надоедают,
крест наложив на них
по гроб.

¹ Для того чтобы сохранить игру слов оригинала, в переводе употребляется и словенское (Криж), и русское название села (Крест).

² «На улице бедняков» — русское название романа «Na Klancu», автором которого является классик словенской литературы Иван Цанкар (1876-1918)

Понятно, почему я родился посреди этого центра бытия, прямо возле Крижады. Когда я начал ходить, так, что мог шагать за папой и мамой, мы перенесли наши скромные пожитки на окраину деревни: поселились мы на крутом склоне, что по всей видимости для писателя является наиболее подходящим местом². Оттуда я отправлялся на робкие исследования близких, а со временем все менее близких окрестностей, то по одну, то по другую сторону деревни, и быстро возвращался домой, чтобы не потеряться. Много времени у меня могло отнять лишь любование морем. Как только я попадал в место, откуда мог охватить взглядом всю синюю ширь, распростершуюся между Истрой и Фриульской равниной, которая прямо передо мной соединялась с небом, иногда в переливе той же голубизны, иногда с четко вырезанной линией горизонта, я с открытым ртом наблюдал за неповторимым зрелищем. Во всем этом была невероятная сила и невероятная простота.

Трудно говорить о море кому-то, кто его не знает; тому, кто его прочувствовал и чувствует, не менее трудно найти подходящие слова. Море есть море. Море — это водное пространство, развернутое перед тобой как равнина, таинственно и недосыпаемо. Ты черпаешь его и не можешь зачерпнуть: в руках у тебя остается лишь несколько глотков соленой воды. Обычно оно домашнее, кроткое и нежное, ласковое, манит тебя порезвиться, но в одно мгновение может потемнеть, стать ревущим и гневным, рассердиться пенящимися волнами, грозящими смертью, именно поэтому оно всегда достойно глубочайшего уважения. В то же время море — это то, что там через него, там на дне, по ту сторону горизонта, то, что манит тебя сладким голосом морских сирен. Об этой заморской дали тосковал мальчик на берегу, он спрашивал себя:

*Видел я, видел парус на море,
когда он тонул на небосклоне.*

*Видел я, видел облако на небе:
парило оно как белая птица.*

Сколько молодых сердец так тосковало по неизведанному, по штормовым путешествиям, приключениям, по сказочным заморским краям, рассказы, о которых мы слушали холодными зимними вечерами. Детьми мы напряженно вслушивались в них, а ночью в мятежных снах плыли под парусами вслед своим желаниям.

Так было со всеми, кто рос в деревушках над морем. Края эти наши нанизаны вдоль залива как драгоценные камни на ожерелье. Глазу чужеземного моряка они могут показаться одинаковыми, но это вовсе не так. Каждый край отличается от всех остальных своим обликом, душой и характером. Каждый из них — особая драгоценность.

*Если будешь ты прилежен
и внимателен к другим,
предлагаю тебе в дар
наш чудесный Мирамар.*

*Веселись, раз так
хотел,
вот подарок —
Контовел.*

*Милый мой ты непоседа,
говорил я про соседа,
половину получи —
вот Просекко, заходи.*

*А решился если ты
до заморских плыть долин,
то бери с собой на память
живописный наш Девин.*

*Весел ты,
как будто пьян,
вот тебе тогда
Сеслян.*

*Друг мой непослушный,
очень удручиши,
коль возьмешь в подарок
мой родимый Криж.*

*Паруса
бегут в даль —
кто знает,
почему?*

*Птицы
за ними летят —
кто знает,
почему?*

*С ними
мое сердце —
почему?
Кто знает!*

¹ Крас (словен. «Kras»), Карст — известняковое плато на северо-западе Балканского полуострова, находится на территории Словении и восточной конечности Италии.

² Аллюзия на словенского писателя Ивана Цанкара (1876-1918) и его роман «На крутом склоне» («Na klancu», 1903), вышедший в переводе на русский язык под названием «На улице бедняков»; в основу произведения легли детские впечатления писателя.

Слова крест-накрест

Автобиография с подборкой детских стихов о родном Криже, море и Красе¹

Translated by Nadežda Starikova

Contact of the translator: nstarikov@mail.ru, nstarikova2009@yandex.ru

Что-то не помню, чтобы я выбирал планету, на которой родился. Нет у меня и ощущения, что это я сам решал, в каком месте все произойдет. Или так вышло само собой, без глубоких раздумий, или кто-то сделал это за меня. И получилось, что, едва родившись, я оказался на белом свете, да, не просто на свете, а в самой пупочке Вселенной. И до сих пор, когда с высоты прожитых лет я смотрю на свою жизнь, вижу, что детский взгляд меня не обманул.

Выбранное - случайно или намеренно - место было чудесным: раскинувшееся как раз настолько, что казалось мне огромным, ведь в детстве я не мог его все обойти, и в то же время таким маленьким, что целиком помещалось в моем сердце.

Кроме этого ему было дано редкое и неоценимое свойство – у него было два лица. Оно было как небо, на котором и луна, и солнце. Одним лицом оно поворачивалось к диким пастбищам, долинам, плато, позади которых сверкали острия гор, другим, более ясным, было обращено к морю, а через его синеву – к всему белому свету, к тайнам.

Ну а Криж под Триестом, о нем же речь, – это похожая на гнездо деревня, сгорбившаяся над морем и вросшая в Крас. Здесь я и вырос среди замечательных людей, шумных весельчаков, любящих пить и петь. Когда я хорошенько ее узнал, когда мои глаза начали следить за цветными бантиками и юбочками, я понял, что я мальчик, потом стану юношей и, в конце концов, мужчиной – а это в Криже было, ого, как важно, быть мужчиной на деревенской площади, перекрестке всех дорог.

В Криже есть перекресток,
Перекрестьице.
По нему ходят крижане
Крест-накрест,
Надоедливы и злы,
Коль трезвы.
Часто облаках витают,
Руки крепкие скрестив.
Лозу растят,
Виноград давят,
Вино пьют,
Только о нем
И судачат,
На воду
Крестятся,
На крижанок своих глядя,
Чертыхаются,
Как бы им не надоест,
Они ведь – самый
большой крест.

Понятно, что я родился точно в самом центре мироздания, рядом с Крижадой. Когда я стал ходить уверенно, так что мог шагать за папой и мамой, наша бедность была спрятана на краю деревни – мы переселились на Кланец², что для писателя, очень подходит. Оттуда я робко отправлялся исследовать сначала ближние, а потом все более отдаленные окрестности, то одну сторону деревни, то другую, и быстро возвращался назад, боясь потеряться. Долго задерживало только море. Когда я дошел до места, откуда было видно всю его синь, раскинувшуюся между Иstriей и Фриули, которая прямо передо мной сливалась с небом, иногда такой же лазури, а иногда была резко перечерчена линией горизонта, то застыл с открытым ртом. Это было потрясающе грандиозно и потрясающее просто.

Видел однажды я
Парус на море,
Он растворился
В лазурном просторе.

Видел однажды я
Облачко в сини,
Оно утонуло
В лазурной равнине.

Трудно рассказывать о море тем, кто его не знает, хотя для тех, кто с ним живет, еще труднее найти верные слова. Море – это море. Море – это тот водный простор, гладь которого раскинулась перед тобой, таинственная, еле осязаемая. Хочешь его объять – и не можешь, в руках остается только пригоршня соленой воды. Обычно оно ручное, кроткое и нежное, ласковое, зовет поозорничать, но вдруг может потемнеть, становится рокочущим и грозным, разъяряется, вспенивает волны, грозящие смертью, потому-то оно всегда достойно уважения. А еще море – это то, что за ним, по ту сторону горизонта, то, что зовет тебя нежным голосом сирен. Об этом далеком «за морем» грезил мальчик на берегу, спрашивая:

Паруса
Вдали несутся –
Кто знает,
Почему?

Птицы
За ними летят –
Кто знает,
Почему?

С ними
мое сердце –
почему?
Кто знает!

Сколько юных сердец так грезило о неизведанном, о штормах, о приключениях, о сказочных заморских краях, про которые мы слушали холодными зимними вечерами. Дети напряженно внимали и ночью метались во сне, это мы в сновидениях шли под полными парусами за своей мечтой.

Так было со всеми, кто рос в деревнях над морем. Эти наши местечки рассыпаны вдоль залива как бусины. Глазу пришлого моряка они покажутся одинаковыми, но это не так. Каждое из них отличается от других и внешне, и по характеру, и душой. Каждое по-своему драгоценно.

*Станешь нежным
И прилежным,
Получишь в дар
Миромар.*

*Коли весел
Ты и смел,
Дам тебе я
Контовел.*

*Раз, нужна
Тебе опека,
Получишь только
ПолПросека*

*Не боишься
Быть один,
Можешь взять себе
Девин.*

*Будешь резвый
Хулиган,
Для тебя тогда
Сеслян.*

*Если часто
ты шалишь,
вот тебе
родной мой Криж.*

¹ Крас – известняковое плато на юго-западе Словении, по которому назван весь регион (прим. пер.).

² Автор имеет ввиду одноименный роман классика словенской литературы И.Цанкара (прим. пер.).

Автобиография с избранными детскими стихами о родном Кресте, море и Красе

*Translated by Tatiana Zharova
Contact of the translator: zharovat@gmail.com*

Не припомню что-то, чтобы мне приходилось выбирать, на какой планете родиться. Я не соображал еще, чтобы принимать решения, в каком месте этому случитьсяся. Либо отнесся к этому легкомысленно, не утруждая себя раздумьями, либо за меня это сделал кто-то другой. Но это произошло, и, едва родившись, я оказался в сердцевине мира, да что там мира, аккурат, в самом центре мироздания. И до сих пор, оставив годы за плечами, оглядываясь на свой путь, понимаю, что детский глаз меня не подвел.

Избранный или доставшийся мне по случаю край был прекрасен: он был совершенно правильной вытянутой формы, так что казался мне безмерно большим, потому что ребенком я не мог его обойти, и в то же время настолько маленьким, что он целиком умещался в моем сердце.

Кроме того, в нем было нечто необыкновенное, что с трудом поддавалось описанию: у него было два лица. Он был как небо с луной и солнцем. Одно его лицо смотрело в сторону пустыря, долин, плоскогорья, за которым сияли горные пики, другое, более светлое, было повернуто в сторону моря, синева которого уводила в таинственную бездну.

Потому как Крест у Триеста, а речь пойдет о нем, - это деревушка, похожая на гнездо, притулившаяся у моря и слившаяся с Красом. Я оказался в ней среди потрясающих людей, шумных балагуров и выпивох, певцов. Я вырос здесь, а когда мои взоры стали притягивать пестрые бантики и юбочки, я осознал, что принадлежу к мужскому роду и из мальчишки превращусь в мужика, что в Крестах еще как ценилось, что было видно во время сельских собраний на площади, этом перепутье всех дорог.

*В Крестах есть перекресток
на Крижаде.*

*На нем встречаются крестовцы
в обычاء*

*крест накрест,
ворча по злобе,
коль трезвы оне.*

*Или в мечтах,
закинув руки,
вместо детей крестовских
кроссворды мучают от скучи
по винной горизонтили и
вертикали –*

*в вине-то
и вся суть,
знамением осеняя воду,
на девок крестовских
заглядываются,
устав
пресыщенно,
ведь они и то суть
наш самый большии крест.*

Понятно, что я родился точно посредине этого центра мироздания, у самой Крижады. Когда я начал уверенно ходить, шагая вслед за папой и мамой, мы перенесли свои нехитрые пожитки на край деревни: поселились на Горе, что для писателя единственno приемлемо, оттуда я делал робкие вылазки, знакомясь с окрестностями и постепенно не только ближние, то с одной стороны деревни, то с другой, и спешно возвращался домой, чтобы не заблудиться. Подолгу я задерживался только возле моря. Когда я приходил на место, откуда мне открывалась широта морской синевы между Истрой и Фурланской равниной, которая прямо передо мной смыкалась с небом, порой в переливах этой голубизны, а иногда с четко выраженной линией горизонта, я заворожено смотрел, открыв рот. Невероятная мощь, невероятная простота.

Трудно говорить о море тому, кто его не знает, а для того, кто морем жил и живет, точно так же трудно найти верные слова. Море – это море. Море – это водное пространство, развернутая перед тобой гладь, таинственная и неуловимая. Пытаешься обять ее и не можешь: в руках у тебя останется всего лишь несколько глотков соленой воды. Обычно оно по-своиски кроткое и нежное, ласкитсѧ, манит тебя расслабиться, а то вдруг потемнеет, сделается сердитым, разбушуется, в бегенстве вспенивая волны, несущие смертью, поэтому оно всегда заслуживает глубокого уважения. В то же время море – это то, что там вдали, на дне, по ту сторону горизонта, то, что призывает тебя ласковым голосом сирен. Туда за море страстно мечтал попасть и мальчик на берегу, который вопрошал:

*Видел я, видел
парус на море,
тонущий
в горизонте.*

*Видел я, видел
облачко на небе
похожее на
чайку.*

*Паруса,
вдаль спешащие, –
кто знает,
зачем?*

*Птицы,
за ними летящие –
кто знает,
зачем?*

*С ними
сердце мое –
Зачем?
Кто знает!*

Сколько юных сердец, страстно мечтающих о неведомых, таинственных путешествиях, приключениях по сказочным заморским землям, о которых мы слышали морозными зимними вечерами. Детьми мы внимательно слушали и, по ночам ворочаясь во сне, уносились под парусами вслед за своими мечтами.

Так было с каждым, кто жил в деревне у моря. Края эти вытянулись у нас вдоль залива как драгоценные камни ожерелья. Взгляду пришлого моряка все они могут показаться одинаковыми, но это не так. Каждый из них драгоценность и отличается от всех других как по своему виду, так и по характеру и душе. Каждый сам по себе драгоценность.

*Будешь послушен
и опрятен,
в дар тебя ждет
Мирамар.*

*Коль будешь
ты весел,
ждет тебя
Контовел.*

*коль заноешь,
устав слегка,
Получишь только пол
Просека.*

*Если вдаль
соберешься один,
Возьми на память
Девин.*

*Если вечно ты
вертляв,
То для тебя лишь
Сеслян.*

*Коль дерзать готов,
То достоин ты
Получить в подарок
Мои родные Кресты.*

Kriško Kraške

Autobiografija sa izborom dečjih pesama o rodnom Križu, moru i Krasu

Translated by Nemanja Sićević

Contact of the translator: nemanja.sicevic@gmail.com

Uopšte se ne sećam da sam izabrao planetu na kojoj
ču se roditi. Nemam ni svest o tome da sam izabrao
mesto gde će se to desiti. Ili sam to uradio površno,
bez dubljeg razmišljanja, ili je to za mene uradio neko
drugi. A desilo se da sam se jedva rođen našao baš u
centru sveta, šta sveta, tačno u pupku svemira. Čak i
sada, kada imam teret godina, vidim da me dečje oči
nisu varale.

Izabran ili slučajno ukazano mesto je bilo predivno:
tako dovoljno razvučeno, da mi se činilo neizmerno
veliko, pošto ga kao dete nisam mogao obići, a
istovremeno tako malo, da je celo stalo u moje srce.

Pored toga mu je dato nešto lepo i neprocenjivo:
imalo je dva lica. Bilo je kao nebo sa mesecem i
suncem. Jednim licem je gledalo u pravcu pašnjaka,
dolina, visoravni, iza koje su sijale oštре planine,
a drugim, svetlijim, je bio zagledan u more i preko
njegovog plavetnila u svet, u tajnu.

Jer Križ kod Trsta, o njemu je reč, je selo slično
gnezdu, zgrbljeno nad morem i sraslo s Krasom. U
njemu sam se našao među uglednim ljudima, bučnim
veseljacima i pivopijama i pеваčima. Kada sam ga
dobro upoznao i kada su oči počele da mi beže iza
šarenih mašni i suknjica, shvatio sam da sam dečak, da
ću dakle biti momak i na kraju muškarac - a to je u Križu
bilo itekako važno, kao što si mogao videti na seoskom
trgu, raskrsnici svih puteva.

*U Križu je raskršće
na Raskrsnici.
Ispod nje krstare Križani, po navici
unakrsno
naporni i srditi,
ako nisu pripiti.
Ili sanjaju
ruk u skrštenih skrštenih,
umesto Križana malenih
ukrštenice rešavaju
vinoravno i unakrsno -
upravo o vinu
razgovaraju
i ispred vode
se krste,
za Križankama gledaju
i ljute se,
jer im dodijavaju,
pošto one
najveće muke zadaju.*

Razumljivo da sam se rodio tačno na sredini tog
sveta, tik uz Križadu. A kada sam pouzdano prohodao,
tako da sam mogao da koračam za tatom i mamom,
svoju bedu smo preneli na rub sela: naselili smo se na
Klancu, što je za pisca očigledno jedino odgovarajuće.
Odatle sam se upuštao u bojažljiva istraživanja bliže i
vremenom sve manje bliže okoline, sad na jednu stranu
sela, sad na drugu, i brzo se vraćao kući, a da se nisam
izgubio. Dugo sam se zadržao samo nad morem. Kada
sam došao na mesto odakle sam mogao da razgledam
po sinjem prostranstvu između Istre i furlanske ravnice,
koja se pravo preda mnom spajala sa nebom, ponekad
u prelivu istog plavetnila, ponekad sa oštrem zarezanim
crtom horizonta, divio sam se otvorenih ustiju. Bilo je
neverovatno moćno, bilo je neverovatno jednostavno.

*Video sam, video,
jedro na pučini,
kada je nestalo
u daljini.*

*Video sam, video
oblačak na nebu:
bio je sličan
galebu.*

*Jedro
se u daljini klati -
ko će znati
zašto?*

*Jato ptica
ih prati -
ko će znati
zašto?*

*Za njima
moje srce pati -
zašto?
Ko će znati!*

Koliko mlađih srca je tako čeznulo za nepoznatim, za burnim plovidbama, za pustolovinama, za bajkovitim mestima iza mora o kojima smo čuli u hladnim zimskim večerima. Mi deca smo napeto slušali i noću se prevrtali u krevetu, kada smo u snovima jedrili za svojim željama.

Tako je bilo sa svima nama koji smo rasli u selima iznad mora. Ta naša mesta su razvučena po zalivu kao dragulji na ogrlici. Oku stranog mornara bi sva mogla da se čine isto, ali nikako nisu. Svako od njih je drugačije od svih drugih, kako po svojoj pojavi, tako i po svom karakteru i duši. Svako je blago za sebe.

*Ako budeš marljiv
i pažljiv,
daču ti na dar
Miramar.*

*Ako bi voleo da budeš
veseo,
pokloniču ti
Kontovel ceo.*

*Ako si ti, koji urliče
i koji se trka,
dobićeš samo pola
Proseka.*

*Ako nekad budeš morao
napustiti ovaj kraj,
Devin za uspomenu
sačuvaj.*

*Ako budeš uvek
razigran,
onda je za tebe
Sesljan,*

*ako si nestašan,
a dobro činiš,
da dobiješ
moj rodni Križ.*

Križko Kraské

Autobiografia s výberom detských básní o rodnom Križi, mori a Krase

*Translated by Kristína Potočnáková
Contact of the translator: kpotochnak@gmail.com*

Nijako si nespomínam, že by som si bol vybral planétu, na ktorej sa mám narodiť. Taktiež si nie som vedomý toho, že by som sa rozhodoval pre miesto, kde sa to má udiat. Bud' som to urobil povrchne, bez hlbšej úvahy, alebo to za mňa vykonal niekto iný. A tak sa stalo, že som sa sotva narodený ocitol priam uprostred sveta, čo sveta, presne v centre vesmíru. Ešte i dnes, keď obľúžkaný rokmi hľadím na svoju cestu, vidím, že ma detské oči neklamali.

Vybrané alebo náhodne určené miesto bolo prekrásne: rozľahovalo sa akurát tak, že sa mi zdalo nesmierne veľké, keďže ako dieťa som ho nedokázal prechodiť, a zároveň také veľmi malé, že celé stálo v mojom srdci.

Okrem toho mu však bolo dané čosi zriedkavé a neocenieľné: malo dve tváre. Bolo ako nebo s mesiacom i slnkom. Jednou tvárou pozeralo smerom ku krovnatým lúkam, dolinám, planine, za ktorou sa blyšťali ostré hory, druhou, svetlejšou bolo zahľadené do mora a cez jeho blankyt do sveta, do tajomstva,

Keďže Križ pri Terste, o nom je reč, je hniezdu podobná dedina, zhrbená nad morom a zrastená s Krasom. V nej som sa ocitol medzi skvelými ľuďmi, hlučnými veselými kopami a pijakmi a spevákmi. Keď som ju dôkladne spoznal a keď mi oči začali utekať za farebnými stužkami a sukienkami, zistil som, že som chlapček, že teda budem chalan a napokon muž – a to bolo v Križi veľmi dôležité, ako si mohol zistíť návsi, križovatke všetkých ciest.

V Križi je križovatka
na Križadi.
Križujú ju Križania, veľmi radi
križom krážom
hnusní a hnevni,
ked' sú trievni.
Alebo snívajú
ruký prekrížia,
miesto detí z Križa
križovky riešia
vínorovne a križom-
práve o víne
sa bavia
a pred vodou
križujú,
za Križankami pozerajú
a veľmi sa jedujú,
že im prekážajú,
ved' s nimi utrižíš
najväčší kríž.

Pochopiteľne, ja som sa narodil presne uprostred toho stredu tvorstva, tesne vedľa Križade. Ked' som začal chodiť s takou istotou, že som dokázal kráčať za tatom a mamou, svoju biedu sme preniesli na okraj dediny: nastáhovali sme sa na Klanec, očividne jedine to je primerané pre spisovateľa. Odtiaľ som sa vydával na nesmelé prieskumy blízkeho a časom čoraz menej blízkeho okolia, raz na jednu stranu dediny, raz na druhú, a rýchlo som sa vrácal domov, aby som sa nestratil. Dlho ma zdržalo len nad morom. Ked' som prišiel na miesto, odkiaľ som sa mohol rozhliadnuť po šírave belasého medzi Istriou a furlanskou rovinou, ktorá sa priamo predo mnou dotýkala neba, občas v prechode do rovnej modrosti, občas ostro rezanou čiarou obzoru, hľadel som s otvorenými ústami. Bolo to neuveriteľne mocné, bolo to neuveriteľne prosté.

Je ľažké rozprávať o mori niekomu, kto ho nepozná; pre tých, čo ho zažili a zažívajú, je zas rovnako ľažké nájsť správne slová. More je skrátka more. More je vodné priestranstvo, rozprestreté pred tebou na rovine, tajomné a neuchopiteľné. Naberieš ho a nemôžeš ho zachytíť: v rukách ti ostane len zopár dúškov slanej vody. Zvyčajne je domácke, krotké a nežné, maznavé, vábi ťa k hre a roztopašnosti; naraz však dokáže stemnieť, stane sa vrčiacim a hryzúcim, rozbesní sa penivými vlnami, ktoré hrozia smŕtou - preto je vždy hodné hľbokej úcty. More je zároveň to, čo je kdeš tam „za“, tam na dne na druhej strane obzoru; to, čo ťa vábi nežným hlasom sirén. Tam daleko do zámoria túžil ísť i chlapček na pobreží, ktorý sa sptyoval:

*Videl som, videl,
plachtu na mori,
ked' sa ponárala
za obzory.*

*Videl som, videl,
mráčik sa vznášať:
na čajku morskú
sa ponášal.*

Koľko mladých sŕdc takto túžilo po neznámom, po veterálnych plavbách, po dobrodružstvách, po rozprávkových zámorských krajinách, o ktorých sme počuli počas studených zimných večerov. My deti sme napäťo počúvali a v noci sa prehadzovali vo sne, ked' sme v snoch plachtili za svojimi želaniami.

Tak to bolo s nami všetkými, čo sme vyrastali v dedinách nad morom. Tie naše dedinky sú natiahnuté popri zálive ako drahokamy na náhrdelníku. Oku cudzieho námorníka by sa mohli zdáť všetky rovnaké, no to veru nie sú. Každé z nich sa od všetkých ostatných líši, vo svojej podobe rovnako ako v charaktere a duši. Každé je samo o sebe drahocennosťou.

*Ak sa budeš snažiť
a budeš rozvážny,
dám ti ako dar
Miramar.*

*Ak by si bol rád
veselý,
ocitneš sa
v Kontoveli.*

*Ak si ten, kto vyje
a uteká,
dostaneš len pol
Proseka.*

*Ak občas musíš
z tých brežín,
do spomienky vezmi
Devin.*

*Ak budeš vždy
rozjarený
je pre teba jak stvorený
Sesljan,*

*ked' si šibal
tak si zaslúžiš
do daru
môj rodny Križ.*

*Plachty
do diaľav sa náhlia –
kto vie,
prečo?*

*Vtáky
za nimi letia –
kto vie,
prečo?*

*S nimi
je moje srdce –
prečo?
Kto vie!*

La cruz del Carso

Autobiografía con selección de poemas para niños sobre el pueblo natal Kriz, el mar y el Carso

Translated by María Estefanía Quiroga

Contact of the translator: estefaniaq@gmx.net

No me acuerdo de nada, así que no puedo elegir en qué planeta nacer. Tampoco soy tan consciente como para elegir un lugar donde esto podría suceder. Acaso lo he hecho superficialmente sin una profunda reflexión o tal vez alguien más lo ha hecho por mí. Sucedíó que casi recién nacido me encontré en el ombligo del mundo, qué mundo, exactamente en el centro del universo. Y todavía ahora, que con los años miro preocupado mi camino, veo que mis ojos de niño no me engañaban.

El lugar elegido o destinado fortuitamente, era maravilloso: tan exacta y apropiadamente largo que me parecía infinitamente grande, ya que de niño no podía recorrerlo todo; pero a la vez tan chiquito que cabía entero en mi corazón.

Además de eso, le habían dado algo poco frecuente e invaluable: tenía dos caras. Era como el cielo con luna y sol. Con una cara miraba hacia los bosques, los valles, la meseta detrás de la que brillaban montañas puntiagudas con otras más claras, pero observaba el mar y a través de su azul, el mundo, el misterio.

Pues Kriz pri Trstu, de él se trata, es un pueblito parecido a un nido, doblado por encima del mar, desparramado en el Carso. Ahí, yo estaba entre la gente distinguida, los alegres ruidosos, los borrachos y los cantantes. Cuando lo conocí en su totalidad y cuando los ojos se me empezaron a salir con las proas coloridas y las velas, me di cuenta de que era un niño, que después sería un chico y finalmente, un hombre – esto era en Kriz bastante importante, como si pudieras asegurarte en la plaza del pueblo, cruce de todos los caminos.

*En Kriz está el cruce
en la encrucijada.
Por él navegan los krizanos,
cruzando el Carso
molestan y enojados,
si están sobrios.
Pero sueñan
ociosos,
cuando los niños de Kriz
resuelven crucigramas
y el mal vino –
sobre el vino
una conversación
y frente al agua
cruzan,
miran a las chicas
y se enojan
porque los desprecian,
pero con ellas obténés
la cruz más bella.*

Es entendible que haya nacido justamente en el medio de ese centro de creación que colinda con el cruce. Cuando pude empezar a caminar con confianza, a pararme junto a papá y mamá, enfrentábamos nuestra pobreza en las afueras del pueblo: nos mudamos a la ladera de Klanec, que para un escritor era obviamente lo más adecuado. Desde allá lo investigué tímidamente y con el tiempo cada vez más en las cercanías, primero en una punta del pueblo, después en la otra y volvía rápido a casa, para no perderme. Me quedaba un largo rato simplemente sobre el mar. Cada vez que volvía a mi lugar desde donde podía echarle una mirada a la extensión azul, entre la llanura istriana y la friulana que frente a mí se unía directamente con el cielo, a veces en el canal el mismo azul, a veces con la línea marcada del horizonte; eso me dejaba boquiabierto. Era increíblemente posible, era increíblemente simple.

Es difícil hablarle del mar a alguien que ya lo conoce, para aquellos que lo han experimentado y lo experimentan, es realmente difícil encontrar las palabras exactas. El mar es, efectivamente, el mar. El mar es esa gran extensión de agua desplegada en la llanura, misteriosa e inabarcable. Lo agarrás y no lo podés atrapar: en las manos te queda solo un poquito de agua salada. Generalmente es una caricia hogareña, tibia y suave, te invita a la travesura y de pronto puede oscurecerse, se pone gruñón y mordaz, se enfurece con olas espumosas que amenazan de muerte, por eso siempre vale la pena tenerle un profundo respeto. Al mismo tiempo el mar también es eso que está más allá, allá al fondo, del otro lado del horizonte, eso que te invita con voces dulces de sirenas. Allá lejos, un chico que también languidece en la costa se pregunta:

*Yo veía, veía,
una vela en el mar,
que en el horizonte
se hundía.*

*Yo veía, veía
en el cielo una nubecita:
una gaviota
parecía.*

*Las velas
se apuran a la distancia –
¿quién sabe,
por qué?*

*Los pájaros
tras ellas vuelan –
¿quién sabe,
por qué?*

*Con ellas
va mi corazón –
¿por qué?
¡quién sabe!*

Cuantos corazones jóvenes languidecían ante lo desconocido, las tempestuosas travesías, las aventuras, los lugares marinos de los que habíamos escuchado en noches frías de invierno. Los niños los escuchábamos a la fuerza y a la medianoche los repetíamos soñando, cuando junto a nuestros deseos navegábamos en sueños.

Así era con todos los que crecimos en los pueblos costeros. Éstos, nuestros pueblitos se amontonaban junto a la bahía como gemas en un collar. A los ojos de un marinero extranjero podrían parecer todos iguales, pero no lo son, de ninguna manera. Cada uno de ellos es diferente a todos los demás tanto por su aspecto como por su naturaleza y alma. Cada uno vale por sí mismo.

*Si sos aplicado
y prudente
te voy a dar
Miramar.*

*Te gustaría
un poco de alegría,
te regalo
Kontovel.*

*Si sos quien se lamenta
y corre,
solo recibirás de Prosecco,
la mitad.*

*Cada tanto debés
con esas riberas,
llevarte a Devin
como recuerdo.*

*Si siempre alegre
serás,
te doy Sistiana,
y alegría tendrás.*

*Si sos travieso,
pero venís,
merecés que te dé,
mi natal Kriz.*

LIST OF TRANSLATORS

Karin Almasy (Austria)

Born in 1985 in Klagenfurt/Celovec, Carinthia. One of the few non-Slovene Carinthians that learned the Slovene language. She earned a B.A. in translation studies (Slovene and Italian) and completed the German as a Foreign Language (DaF) teaching programme at the University of Graz, the city where she still lives and works. She has lived in Ljubljana and Novi Sad, taught German, and done proofreading and translating while completing her MA in the History of Southeastern Europe at the University of Graz. She mainly translates Slovene literature into German, focusing on poetry by authors such as I. Dobnik, I. Svetina, and A. Medved, and prose by P. Voranc, S. Tratnik, and A. Čar.

Contact: karin@almasy.at

Ann Catrin Apstein-Müller (Germany)

Born in 1973, she studied German language and literature, American culture and literature, and media law in Munich, where she now works as a freelance editor and translator from Slovene, English, and French. She has translated works of prose by Aleš Šteger, Miha Mazzini, Milan Kleč and Marko Sosič, plays by Simona Semenič and Evald Flisar, and poetry by Stanka Hrastelj, Primož Čučnik and Ana Pepežnik.

Contact: ac-am@gmx.de

Marianna Bershadskaya (Russia)

Born in 1937. She is an associate professor at the Saint Petersburg State University. She teaches Slovenian literature and literatures of other Southern Slavic nations. In 1993, she launched Slovenian language classes at the Department of Slavic Philology. She has published a number of studies on Slovenian literature and translations of works by I. Cankar, A. Ingolič, J. Kozak, M. Kranjec, C. Kosmač, K. Grabelšek, B. Zupančič, A. Hieng, N. Kraigher, and D. Jančar. Her currently unpublished translations into Russian include Županova Micka (Micka, the Mayor's Daughter) by A. T. Linhart, Lepa Vida (Beautiful Vida) by I. Cankar and Kreature (Creatures) by B. Kreft. She is the chairman of the Saint Petersburg Branch of the Slovenian Cultural and Artistic Society Triglav, the initiator of the Friends of Slovenia Society, and an honorary member of the Slovenia-Russia Society. In 2000, she became a distinguished recipient of the Order of Freedom of the Republic of Slovenia.

Contact: marber2@rambler.ru

Ljudmil Dimitrov (Bulgaria)

Born in 1967. He obtained a degree in Bulgarian Philology (1992) in addition to two second majors in journalism and media at Sofia University, and drama theatre directing at the National Academy for Theatre and Film Arts in Sofia. He obtained his doctorate in Russian literature in 1999. He is a professor of Russian literature at the University St. Kliment Ohridski in Sofia, and a professor of Russian Drama and Theatre at the Theatre College "Lyuben Grois" in Sofia. He is a full member of the Bulgarian Academy of Sciences and Arts and the Bulgarian PEN. Between 2005 and 2010, he was a lecturer for Bulgarian Language, Literature and Culture at the University of Ljubljana. He is the co-founder and head of the Literature, Film and Visual Culture Master's program at the Faculty of Slavic Studies at the University St. Kliment Ohridski in Sofia. He has authored several scholarly monographs (including Bagrjana in Slovenija with L. Malinova-Dimitrova, Ljubljana 2011), textbooks and books (anthologies and collections), over 150 publications in Bulgaria, Russia, Poland, Czech Republic, Slovakia, Turkey, Italy, Serbia, Slovenia etc., and participated at over 50 forums and conferences in Bulgaria and Europe. He is also an editor and translates works from the English, Russian and Slovene. He has translated several works by Slovenian authors into Bulgarian, among them A. Šteger, M. Zupančič, Z. Kveder, S. Tratnik, M. Kumerdej, A. Blatnik, A. Morovič, M. Novak, T. Kosmač, A. Skubic, M. Čander, S. Hrastelj and others.

Contact: ljudiv@abv.bg

Aleksandra Krasovec (Russia)

Born in 1982 in Moscow, she studied Slovene language and literature at Lomonosov Moscow State University (2000-2005), where she completed a thesis "The Genre Peculiarity of Drago Jančar's Novels between 1970 and 1990". Then she studied Russian literature at Jean-Moulin Lyon III University in France. In 2006 she defended her MA thesis "Russian Avant-garde Poetry in the 1920s", which also covered the phenomenon of Russian expressionism. She continues working on these subjects in her doctoral dissertation. She has lived in Ljubljana since 2006. She translates scholarly, technical and literary texts. She is a member of a group preparing a new edition of Russian-Slovene Dictionary at University of Ljubljana.

Contact: aleksandrakrasovec@yahoo.com

Grégoire Labbé (France)

Born in 1985 near Lyon, Grégoire learnt Slovene for three semesters at the Center for Slovene as a Second/Foreign Language in Ljubljana. Upon returning to France, he continued his studies in the field of Slavonic languages; including Slovene, Czech and, more recently, Ukrainian, at the INALCO (the National Institute of Oriental Civilisations and Languages), a renowned institute in Paris. He began to work as a translator after he was inspired by a seminar, organized by the Slovenian Book Agency in August 2011, and he is keen on developing a career in translating Slovene literature.

Contact: g.lab85@gmail.com

Maria Estefanía Quiroga (Argentina)

Born in 1982 in Buenos Aires, she studied Spanish Language and Literature at the University of Buenos Aires and presently teaches Spanish as a foreign language. She has been studying the Slovene, Serbian, and Croatian languages for many years, and also actively participates in the promotion of South Slavic culture in Buenos Aires. Her passion for contemporary Slavic literature led to working on Slavic-Spanish translations and motivated her interest in introducing this particular literature into the Spanish market. To date, she has translated several brochures and short stories from Slovene into Spanish and is currently working on her first translation of a full-length novel.

Contact: estefaniaq@gmx.net

Timothy Pogačar (USA)

Pogačar teaches Russian language and literature at Bowling Green State University. He is president of the Society for Slovene Studies and has edited the journal *Slovene Studies*, which occasionally publishes English-language translations of Slovene literature. He translated the prose selections in *Slovenski pesniki in pisatelji akademiki* (Slovene Poets and Prose Writers in the Academy of Sciences, 2007). Currently, he is completing a translation of Ivan Tavčar's *Visoška kronika* (The Visoko Chronicle). Pogačar is involved in other kinds of translating as well. He translated Marko Juvan's *Intertekstualnost: zgodovina in poetika* (Intertextuality: History and Poetics, 2009). He is an associate director of the Language Services Group at Bowling Green State University.

Contact: pogacar@bgsu.edu

Kristína Potocňáková (Slovakia)

Born in 1984 in Prešov, Slovakia. She studied English and Polish at the Faculty of Philosophy at the Comenius University in Bratislava. During her studies, she turned her focus to the Slovene language and participated in several cultural events on theme Slovene literature and film (World Festival of Slovene Literature 2006, World Festival of Slovene Literature in Film 2008). She has translated a children's novelette by Franjo Frančič and poems by Klemen Pisk, Lucija Stupica (in cooperation with Andrej Pleterski; the translation was nominated for the prize "Lirikonov zlat 2010"). Her translations of works by A. Blatník, D. Zajc, A. Šteger, P. Rezman, M. Vidmar and many others are included in an Anthology of Contemporary Slovenian Literature, which was published in Slovak in 2010. She partakes in organizing

literary evenings with Slovenian authors and is also active as an interpreter from Slovene and English into the Slovak.

Contact: kpotocnak@gmail.com

Nemanja Sićević (Serbia)

Born in 1978 in Kruševac, Serbia, currently living in Belgrade. He earned a BA and an MA degree in General Linguistics and the Slovene Language at the Faculty of Philology in Belgrade. He teaches Slovene and Serbian at several schools in Belgrade, including Kolarčeva zadužbina, the oldest and most prominent language school in Serbia. He occasionally lectures on contemporary Slovene culture and society, as well as on South Slavic philology. He is active as an editor of various almanacs and as a proofreader. He translates technical, scientific, legal, and literary texts from Slovene and English into Serbian and vice versa.

Contact: nemanja.sicevic@gmail.com, beskrajni.plavi.krug@gmail.com

Darko Spasov (Macedonia)

Born in 1976 in Kočani, Macedonia, he graduated from the Faculty of Philology at the Ss. Cyril and Methodius University of Skopje and obtained his MA degree in theatre arts at the ESRA - University for Audiovisual Arts in Skopje. He translates works from the Slovene, English, and Russian for the Macedonian book market. He regularly collaborates with the following publishers: Mladinska Knjiga Skopje, Matica Makedonska, Kliker knjigi, Esra, and Miš. He has translated an assortment of contemporary Slovene drama texts (T. Kosi, M. Zupančič, D. Potočnjak, S. Pavček) and works by several renowned Slovenian authors, such as A. Rozman – Roza, E. Peroci, S. Makarovič, B. Hanuš, C. Bevk, N. Kokelj, S. Hrastelj, M. Potocco, A. Hočevar, F. Bevk, F. Milčinski and others. He also translates plays by dramatists such as S. Melchinger, M. A. Čehov or D. Donnelan.

Contact: polatski@gmail.com

Nadežda Starikova (Russia)

She is a Ph.D. holder and specialist in the field of Slavic Philology and a Slovenist. After graduating from Lomonosov Moscow State University, she works at the Institute of Slavic Studies, the Russian Academy of Sciences, and was also as the acting director of the Center for Modern Literatures of Central and Southeastern Europe. Since 1994, she has been a lecturer for Slovene Literature and Culture at the Department of Slavic Philology at Moscow State University. She has authored the following books: The Slovene historical novel of the 1920s-1930s. Typology. Genealogy. Poetics (Moscow, 2006), and Slovenian literature (from the origins to the beginning 20th century) (Moscow, Indrik, 2011), as well as articles on the literature and culture of Slovenia in the 20th century. As a translator, she participated in the following projects: Slovenia. The Path to Independence (Moscow, Indrik, 2001 – translation of documents), Literary Express Europe 2000 (Moscow, Rainbow, 2001 – translation of works by A. Šteger, A. Čar and E. Babačić). She acted as a consultant, translator and editor of the anthology of Contemporary Slovene Prose, Poetry, and Drama (Litterae Slovenicae, DSP, Ljubljana, 2001 – translation of works by V. Taufer, A. Blatnik, D. Jovanovič, E. Flisar, and D. Jančar), and wrote the preface to the Anthology of Slovene Poetry From Age to Age. Slovene poetry (Moscow, Pranat, 2008). In 2010, she was honoured with the Tone-Pretnar-Award for ambassadors of the Slovene language and literature abroad.

Contact: nstarikov@mail.ru, nstarikova2009@yandex.ru

Kristina Tamulevičiūtė (Lithuania)

Kristina Tamulevičiūtė was born in 1989 in Siauliai, Lithuania. She studied Lithuanian and Slovene at the Universities of Vilnius and Ljubljana. Currently, she is a student at the University of Sarajevo, Bosnia and Herzegovina, where she studies Bosnian, Croatian and Serbian literatures. She has won numerous youth poetry competitions throughout Lithuania. Her poems have been published in various Lithuanian newspapers and magazines. She mostly translates contemporary Slovene poetry. The majority of her translations have been and are being published by the cultural newspaper Siaures Atenai.

Contact: kristina.tamuleviciute@gmail.com

Regina Wojtoní (Poland)

Born in 1978 in Krosno, Poland, she graduated in Polish and Slovene from the Faculty of Philology at the Silesian University, where she also completed her Ph.D. studies (with a dissertation entitled "Evil in Polish and Slovenian Modern Literature of the 1990s") and a postgraduate programme for teachers of Polish Culture and Polish as a Foreign Language. Her research areas are literary studies and contemporary Slavic literatures, in particular the reception of modern Polish psychological and crime novels abroad. She works at the University of Bielsko-Biała as a teacher of Slovenian and Polish as foreign languages. She is also interested in translation studies and contributes to various projects that promote Slovenian and Polish culture abroad. She translates Slovene poetry and prose into Polish.
Contact: rwojton@gazeta.pl

Tatiana Zharova (Russia)

Graduated from the Lomonosov Moscow State University and also studied at the University of Ljubljana. She taught Slovene both at the Moscow Institute of International Relations and at the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Between 1999 and 2001, she was a cultural attaché at the Embassy of the Russian Federation in Ljubljana. She currently works as a translator and interpreter at the Embassy of the Republic of Slovenia in Moscow, where she is involved in bilateral programs for cultural partnership between the two countries. She also translated several literary works by Slovene authors such as I. Cankar, M. Bor, N. Gaborovič, A. Hieng, D. Lokar, and T. Pavček.
Contact: zharovat@gmail.com

CO-FINANCING PUBLICATIONS OF SLOVENIAN AUTHORS IN FOREIGN LANGUAGES

The Slovenian Book Agency is an autonomous government institution that awards subsidies and provides different forms of support for the international promotion of Slovenian literature.

Subsidies to translators for the translations of Slovenian authors:

A call for applications is published twice a year – in January or February, and September. The following genres are qualify for public financial support: literature, science, art and culture in general, literature for youth and children, scholarly essays and critiques, theatre plays and comics. The applicant can be a foreign publishing house or translator. In both cases there has to be a letter of intent or a contract between the translator and the publisher or theatre from abroad that publishes or carries out the work for which a subvention is sought. The subsidy covers up to 100 % of the translation costs. The grant is paid directly to the translator's account. Grants cannot be awarded retroactively.

Mobility grants for leading writers

The call for applications is published twice a year – in January or February, and September. The applicant must be a Slovenian author who has been invited to a literary event abroad. The application must be enclosed with the invitation and the program of the event. The subsidy covers up to 100 % of eligible travel expenses.

Contact

Javna agencija za knjigo Republike Slovenije / Slovenian Book Agency
Tržaška cesta 2, 1000 Ljubljana, Slovenia
Phone: +386 1 369 58 20
Fax: +386 1 369 58 30
Email: gp.jakrs@jakrs.si
Webpage: www.jakrs.si

The Trubar Foundation

The Trubar Foundation is a joint venture of Slovene Writers' Association, Slovenian PEN and the Center for Slovenian Literature. The aim of the Trubar Foundation is to subsidize publications of Slovenian literature in translation.

Subsidies to publishers for the printing costs of books translated from Slovene:

Foreign publishers can apply for subsidies to publish unpublished translations of Slovenian authors in their native languages. The Trubar Foundation contributes up to 50% of printing costs. It does not subsidize translation. Priority is given to the works of living authors who are already established in Slovenia. The Board consists of seven equal members including the Presidents of Slovene Writers' Association and Slovene PEN. They convene at least twice a year, usually in March and October. Therefore, applications received by the end of February and the end of September will be considered.

Contact

Društvo slovenskih pisateljev / Slovene Writers' Association
Tomiščeva 12, 1000 Ljubljana, Slovenia
Phone: +386 1 251 41 44,
Fax: +386 1 421 64 30
Email: dsp@drustvo-dsp.si
Webpage: <http://www.drustvo-dsp.si>